

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Я ПРИЗЫВАЮ
К НЕНАВИСТИ

1745/2

ЧТО МЫ ЗАЩИЩАЕМ

Программа национал-социалистов—«наци» (фашисты)—не исчерпана в книжке Гитлера. В ней только то, в чем можно было признаться. Дальнейшее развитие их программы таит в себе такие горячечные, садистские, кровавые цели, в которых признаться было бы невыгодно. Но поведение «наци» в оккупированных странах приоткрывает эту «тайну», намеки слишком очевидны: рабство, голод и одичание ждет всех, кто во-время не скажет твердо: «Лучше смерть, чем победа «наци»».

«Наци» истерично самоуверенны. Завоевав Польшу и Францию—в основном путем подкупа и диверсионного разложения военной мощи противника,—завоевав другие, более мелкие, страны, с честью павшие перед неизмеримо более сильным врагом, «наци» торопливо начали осуществлять дальнейшее развитие своей программы. Так, в Польше, в концлагерях, где заключены польские рабочие, польская интеллигенция, смертность еще весной этого года дошла до семидесяти процентов, теперь она поголовная. Население Польши истребляется. В Норвегии «наци» отобрали несколько тысяч граждан, посадили их на баржи и «без руля и ветрил» пустили в океан. Во Франции во время наступления «наци» с особенно садистским вкусом бомбили незащищенные города, полные беженцев, «прочесывали» их с бреющего полета, давили танками все, что можно раздавить, потом приходила пехота, «наци» вытаскивали из укрытий полуживых детей, раздавали им шоколад и фотографировались с ними, чтобы распространять, где нужно, эти документы о немецкой «гуманности»... В Сербии они уже не раздавали шоколада и не фотографировались с детьми.

Можно привести очень много подобных фактов.

Все эти поступки вытекают из общей национал-социалистской программы, а именно: завоевываются Европа, Азия, обе Америки, все материки и острова. Истребляются все непокорные, не желающие мириться с потерей независимости. Все народы становятся в правовом и материальном отношении говорящими животными и работают на тех условиях, которые им будут диктоваться. Если «наци» найдут в какой-либо стране количество населения излишним, они его уменьшат, истребив в концлагерях или другим, менее громоздким способом. Затем, устроив все это, подобно господу богу в шесть дней, в день седьмой «наци», как белокурая, длинноголовая раса-прима, начинают красиво жить—вволю есть сосиски, ударяться пивными кружками и орать застольные песни о своем сверхчеловеческом происхождении...

Все это—не из фантастического романа в стиле Герберта Уэллса. Именно так реально намерены развивать свою программу в имперской новой канцелярии, в Берлине. Ради этого льются реки крови и слез, пылают города, взрываются и тонут тысячи кораблей и десятки миллионов мирного населения умирают с голоду.

Разбить армии «Третьей империи», с лица земли смести всех «наци» с их варварски-кровавыми замыслами, дать нашей родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития по пути высшей человеческой свободы—такая высокая и благородная задача должна быть выполнена нами, русскими и всеми братскими народами нашего Союза.

Немцы рассчитывали ворваться к нам с танками и бомбардировщиками, как в Польшу, во Францию и в другие государства, где победа была заранее обеспечена их предварительной подрывной работой. На границах СССР они ударились о стальную стену, и широко брызнула кровь их. Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора и безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма... «Все промелькнуло перед нами».

Наш народ прежде поднимался на борьбу, хорошо понимая, что и спасибо ему за это не скажут ни царь, ни псарь, ни боярин. Но горяча была его любовь к своей земле, к неласковой родине своей, неугасаемо в уме его горела

вера в то, что настанет день справедливости, скинет он с горба всех захребетников, и земля русская будет его землей, и распашет он ее под золотую ниву от океана до океана.

В гражданской войне девятьсот восемнадцатого—двадцатого годов белые армии сдавили со всех сторон нашу страну, и она, разоренная, голодная, вымирающая от сыпного тифа, через два года кровавой и, казалось бы, неравной борьбы разорвала окружение, изгнала и уничтожила врагов и начала строительство новой жизни. Народ черпал силы в труде, озаренном великой идеей, в горячей вере в счастье, в любви к родине своей, где сладок дым и сладок хлеб.

Так на какую же пощаду с нашей стороны теперь рассчитывают «наци», гоня немецкий народ на ураганом несущиеся в бой наши стальные крепости, на ревущие чудовищными жерлами пояса наших укреплений, на неисчислимые боевые самолеты, на штыки Красной Армии?..

Иль мало нас? Или от Перми до Тазриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые години легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек так себе, потребовали от него быть героем—герой.. А как же может быть иначе.. В старые времена рекрутского набора забритый мальчишечка гулял три дня—и плясал, и, подперев ладонью щеку, пел жалобные песни, прощался с отцом, матерью, и вот уже другим человеком—суровым, бесстрашным, оберегая честь отечества своего, шел через альпийские ледники за конем Суворова, оперев штык, отражал под Москвой атаки кирасиров Мюрата, в чистой тельной рубахе стоял—ружье к ноге—под губительными пулями Плевны, ожидая приказа итти на неприступные высоты.

Три парня сошлись из разных деревень на службу в Красную Армию. Хороши ли они были до этого, плохи ли,—неизвестно. Зачислили их в танковые войска и послали в бой. Их танк ворвался далеко впереди во вражескую пехоту, был подбит и расстрелял все снаряды. Когда враги подползли к нему, чтобы живыми захватить танкистов, три парня вышли из танка, у каждого оставался последний

патрон, подняли оружие к виску и не сдались в плен. Слава им, гордым бойцам, берегущим честь родины и армии.

Летчик-истребитель рассказывал мне: «Как рой пчел, так вертелись вокруг меня самолеты противника. Шея заболела крутить головой. Азарт такой, что кричу во все горло. Сбил троих, ищу прицепиться к четвертому. Сверху—то небо, то земля, солнце—то справа, то слева, кувыркаюсь, пикирую, лезу вверх, беру на прицел одного, а из-под меня выносятся истребитель, повис на тысячную секунды перед моим носом, вижу лицо человека—сильное, бородатое, в глазах ненависть и мольба о пощаде... Он кувыркнулся и задымил, вдруг у меня нога не действует, будто отсидел, значит—ранен. Потом в плечо стукнуло. И пулеметная лента—вся, стрелять нечем. Начинаю уходить,—повисла левая рука. А до аэродрома далеко. Только бы, думаю, в глазах не начало темнеть от потери крови, и все-таки задернуло мне глаза пленкой, но я уж садился на аэродром, без шасси, на пузо».

Вот уже больше полвека я вижу мою родину в ее борьбе за свободу, в ее удивительных изменениях. Я помню мертвую тишину Александра III; бедную деревню с ометами, соломенными крышами и ветлами на берегу степной речонки. Вглядываюсь в прошлое, и в памяти встают умные, чистые, неторопливые люди, берегущие свое достоинство... Вот отец моего товарища по детским играм—Александр Сизов, красавец, с курчавой русой бородкой, силач. Когда в праздник в деревне на сугробах начался бой,—конец шел на конец,—Сизов веселыми глазами поглядывал в окошечко, выходил и стоял в воротах, а когда уж очень просили его подсобить, натягивал голицы и шутя валил всю стену; в тощем нагольном полушубке, обмотав шею шарфом, он сто верст шагал в метель за возом пшеницы, везя в город весь свой скудный годовой доход. Сегодня внук его, наверно, кидается, как злой сокол, на германские бомбардировщики.

Я помню, в избе с теплой печью, где у ткацкого станка сидит молодая, в углу на соломе спит теленок, отгороженный доской, мы, дети, собравшись за столом на лавках, слушаем высокого, похожего на коня, старика с вытекшим глазом,—он рассказывает нам волшебные сказки. Он побирается, ходит по деревням и ночует, где пустят. Молодая за станком говорит ему тихо: «Что ты все страшное да страшное, расскажи веселую...»—«Не знаю веселую, дорогая моя, не слухал, не видал,—и одним страшным гла-

зом он глядит на нас,—вот они разве увидят, услышат веселое-то...»

Я помню четырнадцатый год, когда миллионы людей получили оружие в свои руки. Умный народ понимал, что первое и святое дело—изгнать врага со своей земли. Сибирские корпуса прямо из вагонов кидались в штыковой бой, и не было в ту войну ничего страшнее русских штыковых атак. Только из-за невежества, глупости, полнейшей бездарности царского высшего командования, из-за всеобщего хищения и воровства, спекуляции и предательства не была выиграна русским народом та война.

Прошло двадцать пять лет. От океана до океана зашумели золотом колхозные нивы, зацвели сады и запушился хлопок там, где еще недавно лишь веял мертвый песок. Задымили десятки тысяч фабрик и заводов. Тот же, быть может, внук Александра Сизова, такой же богатырь, пошел под землей ворочать, как Титан, один сотни тонн угля за смену. Тысячетонные молоты, сотрясая землю, начали ковать оружие Красной Армии—армии освобожденного народа, армии свободы, армии—защитнице на земле мира, высшей культуры, расцвета и счастья.

Это—моя родина, моя родная земля, мое отечество, в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...

«Правда» от 27 июня 1941 г.

АРМИЯ ГЕРОЕВ

Дорогие и любимые товарищи, воины Красной Армии, вы встали навстречу врагу стальной грудью танков, жерлами метких и сокрушительных орудий, свинцовым ураганом огня, тысячами боевых самолетов, зорких и смелых, как соколы, быстрых и смертельных, как молнии.

Грозные машины и орудия одушевлены вашей волей к победе, вашей храбростью, которой изумляется весь мир, находчивостью, русской сметкой, стальной стойкостью.

Немцы завоевали всю Европу без большого труда: там в каждой стране, задолго до войны были ими организованы «пятые колонны» из разнообразной человеческой сволочи—бандитов всех оттенков, от работающих пером до работающих ножом, из авантюристов, продавших свою честь и совесть и—в первую голову—свою родину. Они разрушали военную мощь европейских стран всеми способами—подкупом министров и депутатов, диверсиями и

шпионажем, шумными газетными кампаниями, провокационными погромами демократии, рабочих и интеллигенции.

Они вели широкую пропаганду по успокоению Европы. Гитлер, как волк из народной русской сказки, пел тонким голосом:

«Козлятушки-ребятушки, отворитесь, отомкнитесь, ваша мать пришла, молочка принесла...»

Европа мирно дремала, не думая о войне. А когда проснулась от рева германских бомбардировщиков, было уже поздно. Фашисты приставили ей штык к груди и до нитки, вернее, до дверной ручки, до последнего куска хлеба, отобрали ее. Всех недовольных такими порядками фашисты посадили в концлагери, чтобы там умертвить голодной смертью и физическими мучениями.

Гитлеру сгоряча показалось, что с Европой таким образом покончено, и он, рассчитывая, что мы тоже спим и ему верим, предательски бросил в наступление на СССР сто семьдесят своих дивизий. Но тут мировой бандит со своей шайкой дипломатов, проповедников и погромщиков, вышедших из грязи и за один год европейской войны ставших сверхмиллиардерами, ошибся по двум направлениям: с тыла и с фронта.

Ограбленная и униженная Европа оказалась незамиреной. Еще год тому назад гордые и независимые, а сейчас лежащие со связанными руками и кляпом во рту европейские народы нашли в своем сердце лютую ненависть к поработителям, почувствовали, что лучше смерть, чем рабство.

И вот, как только хлынула широкой рекой фашистская кровь под ударами Красной Армии, начались в Европе странные происшествия: стали гореть подземные хранилища с бензином, взрываться склады боеприпасов, воинские поезда пошли под откос, полетели на воздух военные заводы вместе с фашистами, поползла по предприятиям—где только возможно—итальянская забастовка, и на стенах домов в городах невидимая рука чертила надпись: «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!»

Англия вместо того, чтобы капитулировать на море и на суше, как об этом уже давно завопили фашисты на весь мир, стала мощнее в военном и организационном отношении. Бомбежка Лондона и других ее прекрасных городов заставила англичан лишь крепче стиснуть зубы и поставить перед собой во всей непреклонности одну цель: уничтожение Гитлера и фашизма.

Еще этой зимой англичане пустили крылатую фразу: «Положение Гитлера блестящее, но безнадежное...» За последнее время они заявили, что уже владеют воздухом в Западной Европе и не успокоятся до тех пор, покуда в любой комбинации, в любом месте фронта не будут господствовать в воздухе. Мощные эскадрильи английских бомбардировщиков страшными налетами громят германские военные заводы, склады горючего, доки, гавани, вокзалы, корабли.

Тыл у фашистов оказался таким, что Гитлеру приходится, как филину, только поспевать вертеть головой.

Вторая ошибка Гитлера заключалась в том, что он не понял и недооценил мощи и духа Красной Армии, мощи и духа нашей родной многонациональной страны.

Нашла коса на камень.

На что рассчитывал Гитлер вместе со своей угрюмой шайкой погромщиков, проповедников и дипломатов? Рассчитывал он, что ли, на то, будто советский человек испугается: «Батюшки светы, сильнее кошки зверя нет, всю Европу победил, куда мне с ним тягаться!» Да шапку с головы—прочь, да—бух в ноги... Плохо нас знают фашисты!

Надо знать, что русский народ, даже в самые трудные и тяжелые времена своей истории, никогда перед врагом-захватчиком шапки не ломал, но уж на крайний случай брал навозные вилы и порол ему брюхо. За святыню—русскую землю—наш народ не щадил жизни своей. Жизнь нам дорога, мы—народ веселый, но дороже нам жизни родина, склад наш и обычай, язык наш, статья наша, твердая уверенность, что сил у нас хватит и оборонить СССР и устроить у себя свою особенную, изобильную, богатую всеми дарами земли и ума человеческого свободную жизнь, такую, чтобы каждый новый человек, появляясь из материнской утробы на свет, получал путевку на счастье...

Фашистам на нашей земле делать нечего. Убьем.

В одной русской сказке мужик Капитон говорит царю: «Погоди, навернесся ты на меня, тогда увидим, который которого наиграет...»

Игра сейчас идет серьезная. Враг сильный и опасный. Для разгрома его нужно организованное, согласное, уверенное, умноженное во много раз напряжение всех сил в тылу,—весь труд, все мысли, всю жизнь для Красной Армии и победы! Об этом сказал товарищ Сталин. Единодушие охватило всю страну. Красная Армия может быть покойна за свой тыл. Плечи у русского народа крепкие,

руки золотые. Ума нам не занимать. Обороняем мы свое—наше кровное отечество, доставшееся в вечное владение народу после мучительной многосотлетней борьбы.

Красная Армия—цвет нашей страны—в этой войне с убийцей и грабителем народов выполняет высокую национальную задачу, значение которой для нас неизмеримо.

Взоры всего человечества с надеждой, а у иных народов—с мольбой обращены к Красной Армии. Нас, советских людей, плохо знали, о нас судили вкривь и вкось,—насчет этого фашисты постарались, сея через свою желтую пропаганду ложь и клевету о русских и всех братских народах СССР. Достаточно сказать, что еще в 1937 году за границей дружественно настроенные к нам люди спрашивали меня с опаской: правда ли, что женщины в Советской России национализированы, и правда ли, что дети у нас не имеют права воспитываться у родителей, и прочие глупости...

Красная Армия своей стальной мощью, своей храбростью, высоким духом патриотизма, благородства и бескорыстия высоко перед всем миром подняла на своих знаменах имя русского...

Пусть разожмутся навсегда тиски недоверия и предвзятости, и народы мира увидят, что Красная Армия—непоколебимый защитник и друг демократии, свободы, человечности и культуры.

«Русский» станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего смертельного кошмара фашизма.

В этой грозной Отечественной войне Красная Армия в единодушии со всей страной сокрушительными ударами по врагу выковывает свободу и счастье нашей родины, свободу и мир народам мира.

Да здравствует армия героев, армия славы, наша грозная и могучая Красная Армия!

«Красная звезда» от 9 июля 1941 г.

К ПИСАТЕЛЯМ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Мне хочется сказать несколько слов о той великой правде, которую весь народ Советского Союза в эти грозные дни выражает не словами, а делом—ударами штыков, национальным единением и подъемом и удесятеренным напряжением работы в тылу—на полях и на заводах.

О нашей Советской стране говорилось много неправды. Клевету и ложь сеяли агенты Гитлера с особенной энергией после того, как подрывная работа «пятой колонны» была у нас сорвана и разгромлена.

Мы противопоставляли этому яростному натиску грязных фантазий и злобных легенд честность своего слова, добросовестность в деловых отношениях и прямоту наших поступков, которые, в конце концов, должны были быть оценены здравым смыслом.

И все же мы с огорчением сознавали, что темные пятна непонимания и предвзятости существовали между Северной Америкой и Советским Союзом. И это нам было тем более жалко, что десятки миллионов русских горячо любят вашу литературу и всегда изумляются неисчерпаемым и могучим творческим силам вашего народа и вашей интеллигенции.

Перед Америкой, Англией и Советским Союзом встала единая задача—поражение Гитлера и уничтожение национал-социализма. Удачное решение этой задачи означает торжество во всем мире свободы, культуры и независимости. Задача требует больших и твердых решений, высокого морального подъема и героических дел. Она требует взаимного понимания до конца.

Какова же правда всего происходящего в Советском Союзе поступательного движения, обусловленного всей нашей предшествующей историей?

Россия была страной, отставшей по крайней мере на столетие от европейской цивилизации. К этому привел ее ряд объективных причин, в которые нет нужды здесь углубляться. Но менее всего в этом был повинен русский народ, никогда не мирившийся ни с угнетением, ни с экономической и культурной отсталостью.

Народный протест принимал своеобразные и самобытные формы,—то это был уход миллионов людей от своих очагов на новые вольные места, в лесную глушь или в пустынные степи, то это были мощные восстания Разина и Пугачева, потрясавшие царскую власть, то это были широкие сектантские движения, в основе которых всегда лежала страстная потребность в моральном очищении и совершенствовании, потребность, приводившая к крайним формам непостижимой суровости массовых самоожжений.

Но когда над русским государством нависала угроза потери независимости и целостности, народ единодушно и храбро вставал на защиту родной земли. Русскому народу всегда было чуждо безумие тамерлановских идей завоевания

мира. Но с особенным пониманием он подхватывал идеи экономического и культурного подъема России... Так было при Иване Грозном, так было при Петре Великом.

Эти стремления в шестнадцатом веке и в начале восемнадцатого выражались в своеобразных формах, часто казавшихся Западу варварскими, азиатскими, пугавшими своими масштабами и страстной настойчивостью.

Но не война, а мир всегда был задачей России, раскинутой на неизмеримых пространствах, на неиспользованных богатствах. Не угрожающая позиция с копьем в руке и нибелунговскими крылышками на железной шапке, но опыты нового строительства и борьба за целостность государства. И через всю историю проходит напряженное—и часто жертвенное—устремление русского народа к моральному совершенствованию.

Двадцать четыре года тому назад перед Советской Россией встала огромной трудности задача: в кратчайший срок догнать европейскую цивилизацию и, при наличии у нас неисчерпаемых богатств, опередить ее. Задача была жизненно необходима, ибо, не решив ее, наша отсталая страна должна была бы естественно и логично прекратить независимое существование.

Для выполнения этой задачи мы нашли те особенные формы, которые ни в какой мере не находились в противоречии с историческим развитием России. Эти формы были глубоко заложены в народном сознании в виде надежд и мечтаний о царстве справедливости, добра и мира. Отзвук неугасаемой веры в это вы найдете в наших многочисленных народных сказках и песнях.

Идейное руководство освободительной войной 1918—1920-х годов, реконструкцией хозяйства и новым в грандиозных масштабах советским строительством во всех областях индустрии, сельского хозяйства, экономики и культуры нашло горячий отклик и поддержку многочисленных народов Советского Союза. Их творческие силы были освобождены из-под векового гнета.

Усилия оправдали себя. Советский Союз возник, как феникс, из нищеты и уныния предшествовавших веков. И вот мы—русские, украинцы, белоруссы, народы Средней Азии, Кавказа, Севера и Дальнего Востока,—от мала до велика, всей двухсотмиллионной массой встали на защиту нашей возлюбленной родины и на защиту европейских народов, обращенных Гитлером в рабов и париев.

Война с германским фашизмом должна закончиться его смертельным поражением, каких бы жертв и усилий нам

это ни стоило. Каждый воин Красной Армии знает, за что он дерется, и если его сразит пуля,—умирая, он поцелует свою родную землю. Эта война—всенародная, освободительная, священная.

Со вчерашнего дня наши силы удвоились: с огромным энтузиазмом народы Советского Союза встретили дружбу и военный союз с великим английским народом.

Это означает, что общими усилиями, единой, непреклонной волей мы перевернем страницу книги нашего бытия, которую силится закрыть вцепившаяся окровавленная рука Гитлера. Мы подавим и уничтожим полчища фашистских варваров, опьяневших от жажды насилия. Нет, нам не нравится перспектива—вертеть жернов немецким пивоварам, мы предпочитаем свободу и добрую жизнь. Наша воля—победа, мир, процветание и счастье на этой земле, которая создана для человеческого счастья, но уже никак не для того, чтобы длинноголовые, белокурые фашистские завоеватели превратили ее в кладбище и в загон для говорящих животных.

Мы знаем, что свободолюбивый и гордый американский народ охвачен гневом и отвращением к Гитлеру и его кровавой шайке. Воля американского народа была и всегда будет—свобода и мир. Стремительные шаги истории сближают наш и ваш народ в одной непреклонной воле: освободить человечество от навалившегося на его грудь удушяющего кошмара.

13 июля 1941 г.

«БЛИЦКРИГ» ИЛИ «БЛИЦКРАХ»

Каждая бомба, падавшая на Лондон и другие прекрасные города Англии, встречалась нами болью сердца. Фашисты разрушали великую цивилизацию, на воздух вместе со щебнем взлетали творения человеческого гения, невинная жизнь детей, смертельные вздохи женщин.

Прежде всего это было бессмысленное разрушение ради разрушения. Не мог же думать Гитлер, что выиграет войну, обрушивая стены мирных жилищ, разрушая храмы, реликвии старины, музеи и бесценные библиотеки, перепавшая бомбами зеленые парки?

Гитлером, как всем его окружением нечистоплотных людей, владела дикая и торжествующая жажда разрушения. Дикари—слишком мягкое для всех них определение, оно оскорбительно для дикарей. Они, «наци», дегенераты,

алкоголики, любители чужой собственности, явные или потенциальные убийцы, для которых всякая историческая и культурная преемственность ненавистна и враждебна.

Гитлер и его окружение—это люди, не помнящие родства, для них существует только сегодняшний день, из которого они вперед головой кидаются в неизвестность, надеясь на свое молниеносное нахальство. Таков же и их принцип ведения войны.

Война ведется ими ради того, чтобы Гитлер, Геринг, Риббентроп и дальнейший список сановных «наци» стали мировыми монополистами и сверхмиллиардерами. Чтобы одурачить немцев, они выкопали из библиотечной пыли расовую теорию об индо-германцах, поперчили Ницше, освятили малограмотными пророчествами Гитлера и надули воздухом, как шкуру крокодила.

«Вот вам германский бог,—сказал Гитлер простодушным немцам,—бейте, режьте, грабьте, насилуйте, разрушайте в пыль цивилизации, захватывайте чужие земли, и я, Гитлер, приведу вас в обетованную землю, где вы будете пить пиво и есть сосиски».

Настало время окончить эту кровавую игру в порабощение всего мира. Пробил час контратаки. Англия и Советский Союз взаимным непреклонным желанием победы связали свои воли, свои могущественные армии и оборонный труд и мощь своих народов.

День двенадцатого июля был встречен у нас в Советском Союзе, как день, который должен был наступить во имя свободы и человечности, как день, предвещающий победу. Умная, упорная, храбрая Англия, колыбель наук, искусств и великой гуманитарной культуры, устояла против бешеного натиска гитлеровской агрессии. Отныне мы в союзе. Это хорошо.

Фашистские армии скоро поймут, что это значит. Непобедимые со слабыми и беззащитными, немцы под ударами Красной Армии быстро сменили свою самоуверенность на угрюмое недоумение, от которого шаг до растерянности.

Мне рассказывал участник боев на реке Б. о германских атаках. Когда не удался их танковый прорыв, они перешли к тактике упрямого нажима. Коричневая от крови вода в реке поднялась на несколько футов, так как образовались плотины из трупов. Немцев гнали и гнали, и они, опустив головы в шлемах, шли и шли, как крысы на водопой,—почти все анестезированные алкоголем. Так они и не перешли реку.

Союз Англии с Советским Союзом означает, что Гитлер вместе с национал-социализмом будет уничтожен и выметен в мусорную яму истории. Нацистская Германия начала «блицкриг», эта война кончится для нее «блицкрахом».

«Правда» от 15 июля 1941 г.

КТО ТАКОЙ ГИТЛЕР И ЧЕГО ОН ДОБИВАЕТСЯ

Врага нужно знать. Кто такой Гитлер? Вот что рассказывает один из его бывших друзей.

Гитлер—австриец, сын мелкого таможенного чиновника, настоящая фамилия его—Шикльгрубер.

Образование у него—среднее. В школе учился плохо, мечтал стать художником, но за отсутствием таланта работал одно время маляром в строительной конторе. За отказ войти в профсоюз и также за антисемитизм был снят с работы. Тогда он стал чертежником и в общем не отличался от среднего обывателя.

Во время империалистической войны служил при штабе баварского полка и дослужился до ефрейтора... В одной военной переделке был отравлен газами, едва не ослеп, и тут-то его нервность перешла в истерию, вплоть до галлюцинаций... Но пока еще эти качества не находили у него применения.

В 1919 году, после разгрома революции в Мюнхене, он стал работать следователем в особой комиссии и тут впервые получил вкус к человеческой крови, сочиняя обвинительные акты и подводя германских революционеров под расстрел.

В то время в Мюнхене образовался первый кружок той партии, которая впоследствии получила название «национал-социалистской». Гитлер, по поручению кружка, выступал как лектор по антисемитизму. В кружке он значился под номером седьмым.

Но его на первые места не выдвигали, он исполнял роль, так сказать, барабанщика кружка. Отличительная его черта—чертовское тщеславие. Гитлер—человек с надрывом, истерик.

После двухчасовой речи—воротничок на нем мокрый, как жгут вокруг шеи, волосы прилипли к вискам, пуговицы оторваны,—безумные глаза, лицо похоже на сыр. Он любит пророчествовать, как шаман.

По целому ряду объективных причин такой истериче-

ский шаман производил сильное впечатление на мелкого буржуа.

Гитлер требовал «ночи длинных ножей для евреев»,— и это поражало мещанское воображение. Гитлер требовал военного похода на большевистскую Москву, завоевания Украины и расселения на роскошных приднепровских землях голодающих немцев... Еще большее впечатление!

Гитлер был рупором, с одной стороны, крупных германских промышленников, больше всего на свете боявшихся революции, с другой—шайки авантюристов, пробивавшихся к власти зубами и когтями.

Гитлер со всем его окружением—авантюристов, личностей с уголовным прошлым и с уголовным будущим—возник как язва в больном теле Германии. Пробравшийся жульническим путем в канцлеры, а затем путем кровавой провокации взявший всю власть, он—«фюрер»—начал свою разрушительную работу.

Террор и голод получила Германия взамен кисельных берегов. «Выбирайте—нищету или войну»,—заявил Гитлер одуроченным немцам, и началась семилетняя обработка и подготовка молодого поколения, предназначенного к убою. «Солдат не должен знать больше того, что он знает. Солдат не должен думать, за него подумал фюрер»,—так гласит первый пункт полевой книжки фашистского солдата. Все соки страны выжимались досуха на вооружение. Германия стала единым военным лагерем, военной машиной, предназначенной для осуществления грабительских планов Гитлера и его шайки. Эти планы распухали с каждым днем в его истерическом воображении. Еще бы,—к его услугам было восемьдесят пять миллионов немцев, скрученных в бараний рог.

Каковы же военные планы Гитлера?

Первоначальный план его заключался в разгроме Советской страны.

Для похода на Советский Союз нужно было согласие на невмешательство в эту авантюру Европы. Гитлер всеми средствами запугивал неизбежностью коммунистической революции. «Или фашизм, или коммунизм»,—истерически завывал он в эфир. «Я один в состоянии раздавить коммунизм в Советской России и во всем мире. Развяжите мне руки...» Ему не поверили, рук для похода на Советский Союз не развязали. Тогда военный план его с той же истерической быстротой перевернулся с головы на ноги. Он решил сначала напасть на Европу, уничтожить

ненавистную Францию, поставить Англию на колени и уже тогда, очистив свой тыл, вернуться к самому жирному куску, к Советскому Союзу.

Так началась вторая мировая война.

Что же Гитлеру нужно от нас, русских, украинцев, белоруссов и всех братских народов СССР?

Прежде всего ему не нужны двести миллионов населения нашей родины. Ему не нужны дети, женщины, пожилые люди и старики. Они подлежат физическому истреблению. Мы теперь знаем, как это делалось в Польше, Сербии, Норвегии, Франции и в тех советских районах, которые временно и ненадолго заняты фашистскими войсками. В Польше значительная часть населения уже истреблена пытками, болезнями и голодной смертью в гигантских концлагерях, а вне лагерей—истощением от голодного пайка. Польскому крестьянину не принадлежит больше его достояние; к примеру: крестьянам и фермерам розданы особые куриные клетки, туда сажают кур, сборщики запечатывают клетки и ежедневно вынимают яйца; если пломба оказывается поврежденной, через час крестьянин уже висит на дереве около своей хаты. Ворвавшись во Львов, фашисты устроили там «ночь длинного ножа»: много тысяч человек—от мала до велика—было зарезано. Известно, каким мученьям подвергались крестьяне белорусских сел и деревень—их ошпаривали кипятком, выкалывали глаза, запарывали штыками, детям разбивали головы о косяк.

Для чего так поступают фашисты?

Для того, чтобы навести ужас на население и чтобы убрать лишние рты: это их программа.

В Советском Союзе фашистам нужны рабочие руки, но такие, чтобы они повиновались, как машины. Фашистам годен не человек, но говорящее животное. Поэтому несомненно, что они намерены оставить в живых часть мужского, здорового населения, ровно столько, сколько понадобится для работы в полях, на шахтах, на заводах. Пример поработанных стран Европы показывает, какая участь ждет этих оставленных в живых сельских и городских рабочих.

Все плодородные земли Украины, русской черноземной полосы, вольного Дона, тучные поля и роскошные сады Кубани, хлопковые плантации, виноградники и сады Кавказа и Средней Азии,—все должно быть распределено между новыми хозяевами—длинноголовыми, белокурыми стопроцентными немцами-помещиками... Они-то уже и

плеть приготовили и зверовидных кобелей для охраны... Не терпится новому помещику молниеносно захватить и Киев, и Москву и вторгнуться в Донбасс, и, как сливки, лизать фашистским языком бакинскую нефть.

Не вышло. И не выйдет... В Красной Армии у каждого воина в той полевой книжке, что носит он на сердце своем, первым номером стоит: за Родину! За Сталина! Вторым номером стоит: ты должен все знать, все понимать, обо всем думать... В твоих руках судьба отечества, свобода и счастье твоего народа...

В невиданной и неслыханной трехнедельной битве двух многомиллионных армий, Красной и фашистской, сразу определились разные качества сражающихся: красный воин дерется умно, хитро, смысленно, по-русски храбро до конца, до победы. Фашистский солдат дерется, как обреченный. Часто в бой идут они пьяные, нагнув головы в шлемах. И не выдерживают русских штыковых атак. Очищают небо, завидя красные истребители. Неожиданно, под нашим контрударом обрывают отчаянный, казалось бы, натиск. Кидаются туда и сюда. Меняют планы. В фашистской армии все черты ее «фюрера»: нахальство, свирепость разъяренного зверя, истеричность...

Враг многочисленный, опасный, сильный, но он должен быть и будет разгромлен.

Основной план Гитлера заключается в том, чтобы, овладев мировой гегемонией, истребив ненужные ему народы, установить единый вечный фашистский порядок. Но здесь у него нехватило фантазии: он целиком заимствовал этот новый порядок из представлений раннего средневековья: это—пирамида, где на самом верху полубог—Гитлер, ниже—его ближайшие сановники—Геббельсы, Геринги, Риббентропы и прочая черная сволочь, ниже—стопроцентная длинноголовая аристократия—помещики, которым, скажем, одному «принадлежит» целиком Киевский военный округ, другому—Урал от Перми до Магнитогорска и так далее, ниже—крупная немецкая буржуазия, еще ниже идут уже люди подневольные, рабы более надежные, пониже—рабы менее надежные, дальше—слоями—расы, все более удаляющиеся от арийской, и на самом низу—человеко-машины, человеко-животные или «недочеловеки», по выражению Гитлера, люди, живущие в стойлах, люди, которых стерилизуют, чтобы они не давали потомства, молчаливая, безликая работающая масса,

Таков предполагаемый «новый порядок» Гитлера. Ради него вот уже полтора года льется кровь, разрушаются государства, гибнут миллионы людей от голода и лишений, и вот уже три недели фашистские полчища ломают свой хребет о стальную мощь Красной Армии.

Русские люди, граждане Советского Союза! Отдадим все для нашей героической и славной Красной Армии, отдадим все для победы над извергом и людоедом Гитлером.

«Известия» от 17 июля 1941 г.

ГОРДО РЕЕТ СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Товарищи моряки Краснознаменного Балтийского славного Флота!

Поздравляю вас с крупной победой. О ней с почтением будут рассказывать моряки во всех флотах мира. Смело, хитро, умно, настойчиво, беспощадно вы уничтожили целую вражескую армаду— всю до последнего корабля, которая несомненно готовила мощный десант для удара по нашей гордой северной столице— Ленинграду.

Страшна была эта ночь с 12 на 13 июля для хвастливых немцев. Они узнали силу комбинированного удара русских морских и воздушных сил. В бессильной злобе лягнул зубами припадочный Гитлер, повесили носы белофинны, поглядывая в ту сторону моря, где за горизонтом пылали выскочившие на мели германские транспорты.

250 лет тому назад в такие же летние дни на Плещеевом озере под Переяславлем зародился русский военный флот. Это были потешные маленькие корабли, стрелявшие из пушек глиняными ядрами, горохом да огурцами, как было строго наказано маменькой-царицей мальчику Петру, дабы не побить зря много народу во время военных потех.

Через несколько лет уже настоящий первый русский флот был построен юношей Петром в Воронеже.

Первым адмиралом был португалец, храбрый бродяга, корсар, кривой Корнелий Крейс, нанявшийся на службу к Петру.

В диковинку было тогда русским людям морское дело.

Адмирал Корнелий Крейс, уча первым делом матросов плавать, любил повторять на ломаном русском языке:

«Смело прыгай с борта в воду, кто утонет, тот не моряк».

Первые корабли были из сырого леса, неуклюжи и тяжёлы. Но с ними Петр I стал хозяином на восточном краю

Черного моря, укрепился в Азове, построил Таганрог и загородил путь в Азовское море.

Когда началась война за исконные русские земли и города—Орешек, Ладогу, Иван-город,—русский легкий флот был построен на Белом море, в устье Выга, и оттуда водой и по лесным гатям на катках перетащен в Ладожское озеро. Нева стала нашей, был построен Кроншлот—восьмиугольный бастион на островке перед устьем Невы—и заложен Петербург. Началось большое строительство Балтийского военного флота.

Иностранцы вначале смеялись, что «у русских-де кораблям не бывать и русским мужикам по морям не плавать». Но молодой русский флот одержал ряд блестящих побед, и белый с голубым русский флаг стал гордо реять по всей Балтике.

Во времена Екатерины слава русского флота прогремела на Черном море, и бессмертной славой овеваны русские моряки за оборону Севастополя.

Царско-помещичья власть дурно заботилась о военном флоте: он был местом кормления великих князей, и морское офицерство, надменное, узко-классовое,—русские помещики да остзейские бароны,—не любило морского дела, предпочитая пиры да балы. И все же в толще моряков хранились из поколения в поколение славные традиции петровского, орлово-чесменского и нахимовского флотов.

Красный советский флот открыл свой счет в истории выстрелом с «Авроры», призывающим к великой революции, походом сквозь тяжелые льды из Гельсингфорса в Кронштадт, борьбой за воды Финского залива, героическими операциями на Каспийском море и на Волге, трагическим самоутоплением Черноморского флота, который немцы требовали в Севастополь для разоружения по Брестскому договору. Тогда в Новороссийске эскадренный миноносец «Керчь» вывел на рейд эсминцы и линейные корабли и минами утопил их один за другим. Три мины попали в носовую часть, в корму и в борт линейного корабля «Свободная Россия». Корабль весь дрожал до верхушек мачт, но не погружался. На «Керчи» моряки сняли бескозырки и плакали. Только от четвертой мины «Свободная Россия» легла на борт, показала киль и затонула.

Часть этих кораблей в свое время была поднята, отремонтирована и сейчас находится в строю. Советский военный флот растет, крепнет и множится. На лучших традициях его славы воспитываются команды комсомольцев.

Флаг военного флота СССР гордо реет на Балтике, на Черном море, на Тихом океане, на Баренцовом море. С четырех сторон компаса грозно и зорко военные моряки сторожат берега и гавани нашего отечества.

В ночь с 12 на 13 июля в Балтийском море открыта новая страница советского морского счета, где на все двенадцать баллов отмечена славная победа.

«Красный флот» от 19 июля 1941 г.

СМЕЛЬЧАКИ

Это было на Северо-западном направлении...

Лежали в пахучей траве, в густом орешнике. Пункт связи укрыт надежно; побледневшее от зноя небо пустынно. Зной был такой, что, казалось, трещали листья. Где-то неподалеку находилась муравьиная куча, и лейтенант Жабин нет-нет да и смахивал со щеки муравья. Покусывая стебелек травы, он не торопился с рассказом.

— Немецкому солдату думать запрещено, этот процесс у фашистов считается вредным,—говорит он.—Котелок у него не приспособлен для быстрого соображения,—покуда он еще спохватится. Вот на этих секундах мы и выигрывали... А дело было трудное, вспомнить,—так задним числом мороз дерет по спине... Ну, и народ, конечно, у нас смелый. Взгляните на связиста Петрова,—по лицу никак не заметно, что отчаянный парень. Чересчур для мужчины смазливый, глаза сонные,—мгла какая-то в глазах; девушке каждый день открытки пишет... Бойцы ему постоянно: «Петров, да кто ты—человек или пень ходячий? Ведь ты же на войне,—расшевелись...» «Отвяжитесь от меня,—отвечает,—когда надо, расшевелюсь...»

— Товарищ Жабин, как же все-таки вам удалось столько дней пробыть с двадцатью пятью красноармейцами в фашистском тылу и уйти невредимым?—спросил человек с блокнотом на коленях.

Жабин повернулся на бок:

— У меня шофер очень сообразительный. Я ему говорю: «Зачем ты, Шмельков, вертишь эту баранку? Тебе в университет надо, на физико-математический...» «Да так, говорит, смолоду засосала шоферская жизнь...» Вы спрашиваете, как мы попали к немцам. Мне было приказано в местечке П. сосредоточить все средства связи и связь держать со штабом до последней возможности.

Ну, вот, я и оказался в окружении. Под вечер два грузо-

вика, битком набитые фашистами, ничего не думая, сунулись в Дубки. Мы немцев спокойно пропустили, с флангов полили их из пулеметов, когда они из машин расползлись,—мы их в штыки. Немцы этого не любят, некоторым удалось убежать, офицер их кинулся в камыши и сидит в воде так, что видны одни ноздри. Взяли у него сумку с важными документами.

Завели мы немецкие грузовики, погрузились в них все двадцать пять бойцов, да вот мы с Петровым, за рулем на переднем—Шмельков. Небо заволокло, звезд не видно, луна еще не всходила. Едем по фашистскому тылу вдоль фронта. Час, другой не встречаем ни души, на западе полыхают зарева, на востоке—стрельба и тяжелые взрывы. По заревам, по грохоту пушек ориентируемся.

Впереди должна быть знакомая деревня. Остановились. Петров соскакивает:

«Разрешите мне в разведку».

Вот, думаю, когда человек оживился и девчонку свою забыл. «Иди». Он—гранаты по карманам и быстро так, сноровисто, умело пошел. Минут через сорок зашелестели кусты, он стоит у кабинки:

«В деревне—колонна фашистских автомашин».

Думаю,—это неприятно. Но—дорога одна, справа и слева—болота, а возвращаться назад нам нет никакого расчета. Шмельков говорит успокоительно:

«Садитесь, ребята, проедем».

Наши стальные шлемы в темноте могут сойти за немецкие, отличительных значков—не разобрать, только штыки наши русские, четырехгранные, могут выдать. Я приказал бойцам держать винтовки на коленях.

Скоро увидели три синих огонька,—германский «стоп сигнал» в голове автоколонны. Шмельков включил свет в подфарки, видим—семитонные грузовики с ящиками, на радиаторах—белый диск с черной свастикой. Сбоку дороги трое офицеров, глядят в нашу сторону и вертят электрическими фонариками. Шмельков дал полный свет в фары, офицеры сморщились, заслонили глаза ладонями, и мы равнодушно проезжаем мимо автоколонны, отворачивая головы, чтобы не показывать красную звезду на каске. Прибавляем скорость, проезжаем деревеньку, уютную, милую, с тихими хатами среди густых вишен и яблонь, где жить да жить. Деревня пуста, все население ушло.

Около деревянной церковки в открытой машине сидит морщинистый немецкий офицер с дряблым кадыком и фонариком освещает карту. Едва-едва я успел схватить

Петрова за руку,—он было высунулся из кабинки, замахнулся гранатой.

Но все-таки офицер что-то заподозрил. Когда миновали село, нас догоняет двадцатисильный мотоцикл с прицепом, в кабине—пулеметчик. Тут Петров и швырнул гранату, да так ловко, что пулеметчик на полтора метра подпрыгнул из кабинки, будто торопился что-то нам рассказать, а водитель вместе с мотоциклом вперед головой кинулся в канаву.

Мчимся в темноте с погашенными фарами. Большое зарево на горизонте отражается впереди за черными кустами: здесь речонка и деревянный мост. Сбавляем ход. Слышим окрик по-немецки. У нас—оружие и гранаты наготове, сидим молча. Приближаются две неясные фигуры часовых. Один остановился, другой подошел к кабинке и вглядывается, прижал нос к стеклу,—встретились мы с ним глазами... Вдруг он мне закивал, закивал и—шопотом—ломанно по-русски:

«Рус, мост не ехай, там стреляют фашист...»

Километров пять ехали мы по лугу вдоль берега реки, слушая, как кричат лягушки. Выбрались на дорогу и опять видим синие огоньки, слышим лязг железа, идут танки и передний от нас в тридцати шагах.

«Ложись,—говорю бойцам,—чтобы хвост ни у кого наружу не торчал».

Свернули мы к обочине дороги и почтительно, не спеша, едем, пропуская тяжелые черные танки с белым кругом и свастикой, как глаз. Фашисты предполагают, что, например, череп и кости у них в петлицах, черные танки, воюющие бомбы должны наводить панический ужас на врага. Может быть, им виднее. Некоторые дикари надевают на войну маски с клыками и рогами,—тоже, говорят, страшно...

За танками шли зенитки, цистерны, грузовики. Вижу,—попали в кашу, и нам тут беды не миновать, надо выбиваться на другую дорогу. Но как повернуть? Повернешься—сейчас же вызовешь подозрение.

Справа от дороги показалась березовая аллея. Шмельков сразу сообразил, в чем тут дело, свернул в аллею, замелькали в глазах белые стволы, и мы прямехонько вкатились на двор совхоза, к гаражу.

Шмельков с ходу развернул машину и начал подавать ее задом, будто бы для заправки. Несколько немецких солдат подбежали отворять двери гаража. Вот и хорошо, что Гитлер не учил их думать и скоро соображать. Шмель-

ков, а за ним наша вторая машина, развернувшись, погасили огни и полным ходом дунули обратно в березовую аллею. Позади начали кричать, стрелять, но мы уже выехали на дорогу, где все еще шла автоколонна, и с полным правом, как люди, только что заправившиеся бензином, перегнали танки и свернули в высокую рожь.

На рассвете доехали до лесочка, и тут у нас кончилось горючее. Мы укрыли грузовики и стали закусывать. Вдруг, Петров зажал сухарь в зубах и поворачивает голову, вскочил, кинулся в папоротники,—там что-то пискнуло,—и он тащит за руку мальчишку лет девяти, стриженного, тупоносого, со злыми глазами.

— Ну чего ты? Видишь—я свой, пусти,—говорит мальчик,—я же думал, это фашисты...

— Ты чего тут делаешь, постреленок?

— Я разведчик. Мы с дедом Оксеном работаем...

Оказалось, этот мальчишка и еще пятеро таких же с черными пятками остались на хуторе с восьмидесятилетним дедом Оксеном. Мужчины, женщины с малыми детьми и скотом ушли в лесное болото и оттуда начали партизанить. Штаб был на хуторе у деда Оксена. Шестеро его мальчишек целый день шныряли по окрестностям, не боялись даже подходить к немцам,—будто бы, сопя носом поклянчить сухарика,—все видели, все узнавали и к вечеру сведения относили к деду на хутор. Ночью туда пробирались партизаны, и дед раздавал им работу: в таком-то месте расположился штаб,—его надо уничтожить, в такое-то место подвезли бензин, там подошел танковый взвод, который требуется подорвать.

Мальчишка оказался очень смышленный. Покуда солнце не встало, он нас повел на другой конец леса,—полз, чертенюк, как ящерица, в папоротнике, мы за ним едва поспевали. Там на опушке стояли заправочные цистерны и пять истребителей.

С этим делом мы справились без большого труда. Когда грохнули выстрелы моих снайперов, и дозорные немцы, шагавшие, чтобы не задремать, около своих окопчиков, повалились носом в землю, мы выскочили из папоротника.—«Ура!» Этот крик тяжело действует на немецкие нервы, не то что воюющие бомбы. Повысыпали фашисты из земли, из щелей,—кто руки сразу вверх, кто, как чумной, крутится, стреляя из автомата. Одного легчика вытащили за парашютные ремни прямо из истребителя. Свидетелей этого дела не оставили. Подожгли цистерны и самолеты и вернулись в лес. Мальчишка нам говорит:

«Я побегу, прощайте. Скажу деду, а то он на этот аэродром собирался послать большую партию...»

Здесь мы провели весь день. Слышали, как проехали танки и прочесали пулеметами лес, но мы были хорошо укрыты. Решили ночью пробираться вдоль Двины, ища слабого места. У фашистов сплошного фронта нет: они наступают, очертя голову, узкими клиньями, и если у тебя котелок варит, всегда можно проскочить.

Ночью пошли развернутым фронтом, с пулеметами на флангах. Вдалеке пылал город Д., по всему городу пламя выбивало под самые тучи. Фашисты любят такие иллюминации много больше, чем ходить в кино; вокруг горящего города бьют с самолетов по бегущим, загоняя детей, женщин, стариков обратно в огонь.

Ну, ладно... Мы были так злы,—сами искали, с кем бы сцепиться. Остановили легковую машину с тремя офицерами и перед смертью заставили их повернуть морды на город Д., чтобы зрелище это показалось им менее занимательным, чем кино. Порезали много проводов связи. Напали на колонну в двенадцать цистерн, перебили прислугу, выпустили и подожгли бензин, и сами не были рады: очень яркое получилось освещение. Выследили три танка на медленном ходу и пожалели, что нет у нас с собой бутылок с горючим. Все-таки Петров и двое красноармейцев-гранатометчиков, взяв у товарищей побольше гранат, забежали вперед, притаились в обочине дороги и бросили связки гранат—каждый под свой танк. Передний встал на дыбы, два другие, подорванные, только и смогли, что палить кругом в темноту.

Так шли всю ночь полями, перелесками и добрались до хутора, где немцы, видимо, еще не появлялись. В одном, другом домишке ставни закрыты, на дворе—ни воробья; вдруг, на одной хатенке, на соломенной крыше запел петух на зеленый рассвет. Видим—у крыльца стоит низенький лысый старик и сухонькая старушка и ждут смерти.

«Старик,—говорит она,—да никак это наши...»

И давай нас крестить и каждого целовать. А нам—не со старушкой целоваться, мы—голодные. Старик принес каравай и стал резать, раздавать ломти, а старушечка—мазать их медом, с приговором: «Кушайте, родные, кушайте, заступники...»

Дневать на хуторе было неудобно. Старик обулся, надел баранью шапку и повел нас лесными болотами на

деревню, где помещался у них партизанский лазарет. К нам сбежала вся деревня, женщины повели нас по избам. Обижать добрых людей не хотелось, пришлось подчиниться: дорожный человек костоват и черен, по старому обычаю его надо помыть, накормить и обласкать. Женщины сами нас разули, у кого ноги были стерты—вымыли их, дали чистые портяночки и давай угощать всем, что у кого было в печи.

Петров,—гляжу,—опять размяк, в глазах мгла и влага... Крестьяне сильно нас уговаривали, чтобы остаться с ними партизанить... И нам этого хотелось... Но—долг службы...

Лейтенант Жабин легким движением приподнялся... «Воздух!»—скомандовал он. В траве, между ореховыми кустами сейчас же началось движение. В небе, на большой высоте обозначились пять фашистских бомбардировщиков. Не прошло и трех минут, после того, как пункт связи сообщил о них на аэродром,—появилось звено наших истребителей. Как натянутые струны—грозно и сильно—пели они, круто поднимаясь к строю бомбардировщиков... И фашистские тяжелые машины, блеснув крыльями, начали поворачивать. Но было поздно... С выцветшего неба донеслась слабая трескотня пулеметных очередей. Истребители настигали. Один из бомбардировщиков качнулся, клюнул носом и пошел вниз, за ним потянулась полоса дыма...

«Красная звезда» от 24 июля 1941 г.

Я ПРИЗЫВАЮ К НЕНАВИСТИ

Товарищи, вы увидели, вы почувствовали, что такое Гитлер, что такое фашизм. Это—бойня ради бойни, это—опьянение человеческой смертью, наслаждение разрушением... Древние германцы, убивая врага, вырывали у него сердце и съедали сырым. У них был обычай, схватив врага, разрезывать ему сзади ребра и выламывать их наперед в виде крыльев, это на немецком языке называлось «сделать орла»...

Вот такими штучками—неприменно со вкусом человеческой крови—вдохновлены стервятники, налетевшие на Москву. Они трусы при этом.

Вчера ночью и третьего дня под Москвой я видел, как фашистские бомбардировщики метались среди ослепительных вспышек зенитных снарядов, они попадали в

вихри карающей смерти. На моих глазах три бомбардировщика были прошиты огненными строчками трассирующих пуль с наших истребителей. Самолеты стервятников ныряли к земле и, упав, вспыхивали белым заревом.

Наш фронт крепнет с каждым днем. Армии Гитлера, захлебываясь от собственной крови, начинают выдыхаться... Настанет день, который будет отмечен в мировой истории золотой чертой. И Гитлер и фашизм взорвутся под нашими ударами, и зарево от этого пожара озарит освобожденный мир.

Но успокаиваться нельзя! Враг коварен и силы у него еще много. Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли—победить и уничтожить Гитлера и его армии, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего.

Для этой великой цели нужна ненависть. В ответ на вторжение Гитлера в нашу страну—ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы—ненависть. Сильная, прочная, смелая ненависть... Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла.

Да здравствуют победные багряные знамена нашей славной Красной Армии, да здравствуют братские народы Советского Союза, да здравствует весь русский народ, да здравствует Москва, да здравствует наш главнокомандующий Сталин!

«Правда» от 28 июля 1941 г.

НЕСКОЛЬКО ПОПРАВОК К РЕЛЯЦИЯМ ГЕББЕЛЬСА

Шесть ночей сотни бомбардировщиков Гитлера пытались налетать на Москву. Они мчались волнами со всех сторон, намереваясь обрушить огромный груз бомб на Кремль, для того, чтобы Геббельс шумно захопал в ладоши: «Слушайте, слушайте, Кремль стерт с лица земли, население в панике бежит из разрушенного, пылающего города».

Теоретически несколько сот бомбардировщиков, приблизившись ночью на большой высоте, должны сделать свое черное дело, тем более, что их вели пилоты с железными крестами и особенными бронзовыми и серебря-

ными орденами, которыми Гитлер награждает за зверские налеты.

Это были опытные нибелунги, любители взлетающих на воздух городских кварталов и добрых пожаров с заживо сгорающими людьми.

Как и надо было ожидать, после налетов на Москву Геббельс радостно, подобно ребенку при виде красивых бабочек, захлопал в ладоши и сообщил миру все вышесказанное.

После бомбардировок я объездил Москву и установил, что Кремль с церквями хорошего древнего стиля, с высокими зубчатыми стенами и островерхими башнями, столько веков сторожившими русскую землю, и чудом архитектурного искусства псковских мастеров—Василием Блаженным,—как стоял, так и стоит, поглядывая на июльские облака, где грозными шершнями гудят наши истребители.

Улицы Москвы полны народа, спешащего по своим делам или занятого устройством обороны. Кое-где на площадях заделывают воронки, убирают разбитые стекла, заколачивают окна, у киосков толпятся люди, дожидаясь стакана фруктовой воды, проезжают автомобили с пожарными в стальных шлемах. На бульварных скамейках—старички с газетами. На крышах—босоногие стриженные мальчики, наблюдающие за небом.

Вот два обгорелых дома. На их крыши свалился фашистский бомбардировщик, сбитый высоко в небе прямым попаданием зенитного снаряда,—он угодил ему в брюхо. Куски самолета и нибелунгов рухнули на крыши в вихре черного дыма.

Далеко от центра города разрушены здания детской больницы и клиники. На площади перед ними много воронок. Фашисты кружились над детской больницей, пока не провалили ей крышу. Разрушено большое здание школы. Сгорели деревянные фанерные лавки колхозного рынка. Кое-где видны полуобгорелые деревянные домишки старой Москвы, предназначенные на слом. От прямого попадания бомбы обрушилось крыло драматического театра.

Разрушений, в общем, так немного, что начинаешь не верить глазам, объезжая улицы огромной Москвы... Позвольте, позвольте. Геббельс сообщил, что вдребезги разбита Центральная электрическая станция. Подъезжаю, но она стоит там же, где и стояла, даже стекла не разбиты в окнах. По своим маршрутам ходят трамваи и троллейбусы. Город живет обычной напряженной, шумной жизнью.

Как же случилось, что несколько эшелонов прославленных бомбардировщиков, истратив столько драгоценного горючего, потеряв шестьдесят девять очень дорого стоящих машин и отправив из двухсот двадцати восьми летчиков с железными крестами одну часть в Валгаллу, другую—в лагерь для военнопленных, не смогли поразить мир неслыханным злодейством? Чему же их учил Гитлер?

Я был эти ночи недалеко под Москвой и вот мои кое-какие наблюдения.

Несомненно, Гитлер сильно удручен и даже, наверно, взбешен своими чрезмерными потерями на фронте, неудавшимся планом широко разрекламированного «блицкрига» и крайним неудобством не предусмотренной им партизанской войны у себя в тылу. Ему немедленно нужно было эффективное дело.

Оно началось так. В сумерках, в стороне, противоположной оранжевому свету вечерней зари, по облакам забегали мягкие нежные зайчики, замахали, как рычаги, синеватые прожекторные лучи, послышался тяжелый, захлебывающийся, как у астматиков, гул фашистских бомбардировщиков. Сотни лучей сверкали по всему небу. На земле вспыхнули молнии зениток, с шуршанием понеслись снаряды и начали рваться ослепительными вспышками и зигзагами огня,—справа, слева, выше, ниже алюминиевой игрушки.

Бомбардировщик летел на большой высоте. Скрещенные лучи и разрывы зениток передали его следующей группе лучей и зенитных снарядов. Из лесов, отмечая его в черном небе, точно в мультипликации, побежали красные пунктиры. Он исчез из моих глаз.

Между облаками гудели новые и новые бомбардировщики. Их ловили то здесь, то дальше по пути к Москве. Тяжелые пулеметы короткими очередями простукивали небесную твердь. В стороне Москвы кипел зенитный огонь; его можно было сравнить только с кипением, с башенной пляской. Вот повисли в воздухе три осветительных ракеты,—мрачно желтоватые огни. Сквозь грохот орудий и гул самолетов долетели взрывы бомб, громовые удары.

Вот снова поймали одного в лучи,—он летит над за-речной равниной. Вокруг разрывы, навстречу ему из-за лесов перекрестный стук пулеметов. Нервы нибелунга не выдерживают, он ярко освещен, он поворачивает

обратно. Зенитки смолкают, и через секунду из темноты— грозное пение истребителя, и над фашистской машиной проходит огненный пунктир, вторая нить протянулась под самым его животом, и сейчас же третья огненная строчка прошивает его... На его головной части вспыхивает несколько ослепительных точек, и нибелунг рушится вниз...

Вот, накренясь, блеснув крыльями, поворачивает обратно другой, он в венце вспыхивающих огней. Зигзаг двойного разрыва пронесется у него над головой, и новый зигзаг у самого хвоста. Самолет задирает нос будто моля о пощаде, но кого: звезды или наших зенитчиков?— и падает. Звезда лучей сейчас же гаснет.

Вот совсем близко над лесом шипящий свист, еще один бомбардировщик с подбитым мотором круто планирует к земле. Тотчас за черными соснами разливается ослепительно молочное зарево горящего бензина. Тишина. И через две минуты— снова захлебывающийся гул. Закачались голубые рычаги лучей. Летят гуськом красные ракетки, и все небо в зените трещит и блещет как будто сами звезды посыпались спасать удрученную землю...

Гул разрывов в стороне дымно-кровавой тучи над Москвой потрясает мое воображение,—я представляю, что взлетают на воздух целые кварталы. Но нет! Фашистские бомбардировщики натываются под самой Москвой на такой ад зенитного огня, что сбрасывают бомбы, как попало, близ города, на пустыри, лишь одиночкам удается прорваться, остальные уходят, и на пути их настигают наши истребители.

Нибелунги дорого платят за свое развлечение. Сумасшедшим нельзя давать в руки бритву. Гитлер воспитал германскую молодежь на заповеди: «Кто в этом мире вечной борьбы не хочет участвовать в драке, тот не заслуживает права на жизнь». Из немецкого ума и сердца с отроческого возраста насильно изымается все, что было накоплено человечеством за тысячелетия. Немец должен вернуться в первобытную пещеру и знать только одно: твое неандертальское племя должно истребить вокруг все живое, чтобы спокойно высасывать мозг из берцовых костей животных четвероногих и двуногих.

Это могло быть детской сказкой, если бы не стало суровой действительностью,—сведя с ума и озверив германскую молодежь, Гитлер дал ей в руки опасное оружие.

Так что же безумному неандертальскому человеку, стать

хозяином этого мира? Нет! Восторжествует наш мудрый, добрый трудолюбивый человек с сердцем покойным и светлым, всегда готовым к борьбе, любви и мирному счастью.

«Красная звезда» от 29 июля 1941 г.

ПОЧЕМУ ГИТЛЕР ДОЛЖЕН ПОТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ

Тридцать восемь дней непрекращающейся ни на один час гигантской битвы с армиями Гитлера дают нам возможность сделать некоторые выводы, мрачные для Гитлера и утешительные для нас.

Фашистская Германия—это военная машина, целиком приспособленная для агрессии, и только для агрессии. Она, как хищный зверь, всегда в позиции прыжка вперед. В этом—ее лобовая сила и в этом же ее слабые и уязвимые места, таящие неминуемое поражение.

Посмотрим, как осуществляется на практике гитлеровская теория молниеносного удара в столкновении с частями Красной Армии.

Эту фашистскую тактику у нас в армии бойцы окрестили «вороньим носом»: ворон клюнул и раскрыл клюв, клюнул и раскрыл клюв,—значит задача забить ему разеваемый клюв хорошим кляпом.

Задача эта выполняется целым рядом действий, в которых, кроме нашей технической мощи, участвуют силы уже порядка не механического и не предусмотренного в планах фашистского командования.

Прыжок фашистского зверя наталкивается на нашу военную технику плюс сложную психику русского человека, в известные моменты истории легко пренебрегающего своей жизнью и чрезвычайно злого в драке, смышленного и упорного.

Фашистские способы ведения грабительской войны, теоретически долженствующие навести панику на население деревень и местечек, заставляют мужчин, женщин и подростков уходить в леса и болота и оттуда вести беспощадную партизанскую войну.

Партизаны нарушают фашистские коммуникации, уничтожают автоколонны с боеприпасами и горючим, взрывают мосты, засеками заваливают дороги, поджигают леса, по ночам, прокрадываясь, как тени, нападают на фашистские штабы и раскалывают головы сонным офицерам;

за каждым кустом, канавой, плетнем немца ждет пуля, ручная граната.

В городе N, который, по соображениям командования, решено было не защищать, население вооружилось несколькими сотнями тысяч бутылок с горючим и вокруг города в лесах и болотах начало беспощадную борьбу с фашистскими автомашинами и танками. Перед тем как занять город, немцы, по обычаю, разбомбили и подожгли его. Передовой отряд мотоциклистов, уверенный, что население в панике бежало и дороги безопасны, наскочил близ города на засаду: передние были сбиты пулями, в остальных, заметавшихся на дороге, полетели бутылки с горючим. Один из партизан—мясник по профессии,—разгорячась, кинулся сзади на мотоциклиста, подмял его под себя и так верхом на длинноголовом стопроцентном «арийце» вкатил в город.

Мост через реку не был взорван. Немцы, решив опять-таки, что это—результат русской паники, выставили с обоих берегов охранение и пустили через мост тяжелые танки. Мост был минирован партизанами. Семь человек,—кто зарывшись в тину, кто сидя в воде в камышах,—ждали только момента, когда фашистские танки наполнят весь мост от одного конца до другого. Тогда партизаны взорвали аммонал, подложенный под мостовые устои, и десятки фашистских танков в столбах пламени рухнули в воду, воздвигнув памятник вечной славы семи героям.

Смотря по обстоятельствам, нередко бывает так, что части Красной Армии, атакуемые «вороньим носом», никак не реагируют на воздушные бомбардировки и артиллерийский огонь. Участок нашего фронта замирает, ждет. В точно размеренное время появляются отряды мотоциклистов, они мчатся, как бешеные, оглушительно паля из автоматов. Наши снайперы, замаскированные так, что их в двух шагах не отличить от болотной кочки, бьют на выбор по передним мотоциклистам и по хвосту колонны. Еще минуту тому назад «огненные дьяволы» превращаются в растерянных мальчишек,—они сталкиваются, падают, заворачивают и гибнут под выстрелами.

Очень странно, что после того, как германцы Арминия разбили в Тевтобургском лесу три легиона Квинтилия Вара, немцы считают себя храбрыми солдатами. Но фашистские солдаты истеричны и неуравновешенны; достаточно нарушить их план—они теряются и мечутся, как механические люди, да еще с нечистой совестью, попавшие в беду.

Пулеметами или заранее выведенными из-под артиллерийского огня и хорошо замаскированными противотанковыми пушками в удобнейшем для нас месте громится колонна легких танков. Теперь наступает главный эпизод боя. В дело идут тяжелые, устрашающе выкрашенные в черную краску фашистские танки. Я беру тот случай, когда их умышленно пропускают через реку, по понтонному мосту.

Когда они прошли, огонь нашей тяжелой артиллерии обрушивается на пристрелянный мост и уничтожает его. Танки отрезаны от своей пехоты. Но танки—сильное оружие, они идут вперед, и основная наша задача—не дать им разинуться «вороньим носом», то есть развернуться на наши фланги, и до этого уничтожить их.

Начинается танковое сражение. Больше всего это похоже на крошечный ад. Наши тяжелые танки бросаются в контратаку. Наши бомбардировщики с бреющего полета засыпают бомбами черные танки. По ним бьет артиллерия. Там, где они попадают в зону пехоты, их подрывают связками гранат и обливают горючим. Наверно, битва олимпийских богов с гигантами показалась бы нам игрой в регби в сравнении с этим побоищем стальных крепостей. Наша авиация нередко очищала небо от фашистских коршунов и на свободе превращала в груды исковерканного металла фашистские танки и их зенитную артиллерию. Такие бои продолжаются иногда несколько дней.

Очень характерно попавшее нам в руки донесение командования одной из таких фашистских танковых групп. Сначала уверенно, в победном тоне доносил генерал о форсировании реки и продвижении вперед; затем донесения поступали уже от полковника, они были крайне нервны. План был нарушен, и клюв не разевался. Наконец, доносил уже майор, с величайшей растерянностью, о том, что он не может охватить общую картину боя, о том, что потери очень велики и что отступление на ту сторону реки отрезано. Словом, в «разинутый клюв» воткнули кляп.

Фашистская пехота связана с танками, как отара овец с передовым бараном. В данном случае она будет стремиться переправиться через реку. Это нами предусматривается, и начинается побоище на переправах. Особые части охранных войск «СС» направляют стволы пулеметов в спину своей пехоте, ее анестезируют алкоголем в уверенности, что пьяному немцу море по колено,—но вернее, что он с головой погружен в море отчаяния. На

таких переправах мы с успехом уничтожаем живую силу противника.

Один из участников боев рассказывал мне, что вода в реке стала коричневой от крови и высоко поднялась, запруженная танками, затонувшими понтонами и тысячами немецких тел.

Второй случай—фашистскому ударному клину для атаки не нужно переправляться через реку. Тогда с нашей стороны вся основная часть операции обороны и контр-удара сосредоточена в том, чтобы отрезать фашистскую пехоту от танков и разгромить то и другое по отдельности. Удар наносится в разрез между танками и пехотой. Пропущенные вперед, их танки попадают под комбинированные удары наших самолетов, танков и артиллерии. Отрезанная фашистская пехота, в недоумении, что весь план грубым образом нарушен, теряется, окапывается, и здесь мы чаще всего ищем непосредственного сближения с врагом штыковыми ударами, помня добрый завет старика Суворова: «Пуля дура, штык молодец». Действительно странно, что при современной технической оснащенности немецкие нервы не выносят бегущих на них красноармейцев с тонкими лезвиями штыков.

Вот тысячи немецких трупов лежат между наспех вырытыми окопами, во ржи и на пригорках. Повели пленных, во-время бросивших оружие. Наступает тишина,—разве скажет кто-нибудь из бойцов товарищу хрипло и коротко: «Вытри штык, чистить придется».

Немецкая военная машина сосредоточивает все у себя на передовом фронте. Здесь, кроме военных, найдете инженеров, конструкторов, профессоров, всевозможных специалистов. Позади, в тылу, остается все второстепенное вместе с запасными войсковыми частями из пожилых, слабосильных, раненых. Это—гитлеровские резервы. Достаточно прорвать передовую кромку фронта, чтобы попасть внутри в трухлявую сердцевину. И чем дальше на запад и на юг—на Балканы, тем все более уязвимым и нездоровым становится организм фашистской Германии, распространившей иго «Третьей империи» на Францию, Бельгию, Голландию и славянские страны.

Посудите сами, сколь надежной можно считать компанию Адольфа Гитлера, если у одного он зарезал жену и ребенка, у другого живьем сжег родную мать, третьему заявил, что если «ты, недочеловек, осмелишься думать о чем-либо ином, кроме божественности фюрера, тебя ошпарят кипятком и в таком виде повесят».

Резервов у Гитлера мало, резервы у него плохие и тыл его ненадежен.

Но еще меньше у него бензина. Я не привожу цифр, они известны. Но я могу дать честное слово, что жидкое горючее Гитлеру не доставляется силами ада из подземного царства. Чтобы иметь бензин, нужно его взять. У Гитлера были солидные запасы. Но английская авиация методически уничтожает их, а советская разрушает и жжет нефтепромыслы в Пюешти. Кроме того, партизанская война у нас и в Европе сильно способствует уменьшению этого главного, основного и решающего материала для успешного развития садистских и отменно глупых планов взбесившейся обезьяны Гитлера: повернуть человеческую историю на несколько тысячелетий назад, к возникновению рабства,—начать игру с начала не по воле исторического процесса, а так, как захотел «божественный» Гитлер.

Начиная войну с Советским Союзом, Гитлер рассчитывал на три мнимых предпосылки: на усталость Англии от войны, ее желание заключить мир, на нежелание американского народа вмешиваться в европейскую кашу, заваренную Гитлером, и на молниеносное наступление фашистских армий на Киев—Москву—Ленинград.

Три главных карты Гитлера биты.

Что у него еще остается на руках? Или фальшивые, или мелкие козыри, которые он держит под столом, надеясь, что противники окажутся дураками и трусами.

Ему не одолеть нашей военной мощи, увеличивающейся технически и количественно с каждым днем. Ему не сосчитать наших резервов. Ему не заставить Англию отказаться быть Англией и стать на колени. Ему не остановить своей грязной обезьяньей ручонкой раскручивающейся пружины военной промышленности США. Он нас пугает, мы не боимся. Мы уверенно, с непреодолимой решимостью будем сжимать Гитлера в объятиях «железной девы».

«Правда» от 30 июля 1941 г.

РУССКИЕ ВОИНЫ

Англичанин Флетчер, посетивший Россию в конце XVI века, говорил о русских воинах, что они жестоко бьются на поле брани и, окруженные врагом или раненные, не сдаются в плен и никогда не молят о пощаде, но умирают молча, как бы покоряясь судьбе.

Так англичанин объясняет свойство русского воина мужественно принимать смерть. Но мы знаем, что не покорность судьбе заставляла русского воина рубить мечом по насевшим врагам, покуда смертная тьма не застелет глаза его. Не смерть страшна ему в бою, но стыд. Держава русская велика, и не годится русскому человеку, если послали его оборонять честь державы, пятиться ради своего живота. Умирать никому не хочется, но что ж поделаешь!—вышел на бранное поле не для того, чтобы петь песни. Надо биться, и биться надо жестоко.

Воины русские—«...под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, конец копья вскормлены, пути им ведомы, яры—овраги—знаемы, луки у них напряжены, колчаны отворены, сабли изострены,—сами скачут, аки серые волцы в поле, ищучи себе чести, а князю славы...» Так поется в «Слове о полку Игореве» о курянах—дружинниках князя Всеволода Святославовича.

Издавна русские считались храбрыми воинами. Русский характер воспитывался в вечной борьбе с врагами, с суровой природой, в огромных просторах земли. В те времена, когда другие народы, вторгшиеся в Европу, получили в наследство культуру погибшей Римской империи, восточные славяне расселились на пустынных равнинах, по диким рекам, по краю лесов, уходящих на север, по неприветливым берегам и островам Балтийского моря.

Славянин был воин-пахарь, воин-охотник и рыболов, не расстававшийся с мечом и рогатиной ни в поле, ни в лесу. Долгие зимы не усыпляли ум его,—в лесной глуши, в снегах, в курных избах он складывал песни и плел вязью слов волшебные сказки. Ни один народ в мире не создал столь богатой изустной литературы. В ней отражена вся его сложная, богатая, талантливая, мечтательная, пытливая, веселая и вольнолюбивая душа.

Русским землям грозили с севера финские племена, с востока и юга азиатские кочевники, с запада германские колонизаторы-крестоносцы. Их-то деятельность, кстати сказать, Гитлер и положил в основу фашистской идеологии.

Великий Новгород и Псков пресекли навсегда германскую колонизацию. Не одни только дружинники князя Александра, но все новгородские люди вышли положить живот свой за русскую землю и, встретясь на рыхлом весеннем льду Чудского озера с крестоносцами и чудью белоглазой, побили их в сече, столь жестокой, «что льда

на озере стало не видно, все покрылось кровию». Александр под колокольный звон въехал в Новгород, и пленные рыцари шли пешие впереди него, как побитые псы.

Двумя годами раньше Александр с новгородской дружиной встретил на Неве, в устье Ижоры, ярла Биргера Фолькунга, вышедшего крестовым походом с большим войском на Русь. Ни ярл Биргер, ни воеводы чужеземные, ни рыцарь-епископ, затеявший этот поход, не вернулись домой с Невской битвы.

Трудно пришлось рыцарям от новгородских ратников. Гаврило Олексич,—так рассказывает летописец,—погнался за бегущим ярлом Биргером до самого его корабля, по мосткам вскочил на корабль, и рубился, и был низвергнут с конем в воду, но выплыл на берег и опять кинулся в сечу; наскочив на воеводу, поразил его насмерть и, наскочив на рыцаря-епископа, поразил его всмерть же... Другой новгородец—Сбыслов Якунович—с одним топором врывался в строй рыцарей, закованных в железо, и ужас охватывал их при виде такой ярости. Третий новгородец—Миша—с товарищи бросился вплавь к вражеским кораблям и влез на них и три корабля сжег. Четвертый—Ратмир—один, пеший, был окружен рыцарями и бесстрашно рубился с ними, покуда не упал от множества ран.

После Батыева нашествия отшумела слава Киева. Русская земля стала расти и крепнуть вокруг Москвы, и тогда неизбежная задача встала перед всем народом: свергнуть татарское иго. Хан Золотой орды Мамай сильно шалил в то время, подсакивая к Рязани и Нижнему-Новгороду. В один год князь нижегородский Борис разбил его на реке Пьяне, на другой год князь московский Дмитрий опять разбил его на реке Воже. Тогда Мамай, рассердясь, собрал бесчисленное войско—много сотен тысяч всадников—и двинулся, чтобы положить всю русскую землю пустой.

Дмитрий стал собирать ополчение. Народ сам шел под московские знамена,—у кого был меч, у кого—топор, у кого—рогатина, вместо лат надевали поверх полушубка тегилю—кафтан из стеганого войлока. О возврате домой не думали, а думали о том, что пришел час, когда быть или не быть русской земле.

Стопятидесятитысячное русское войско, в большинстве своем пешее, вышло к Дону, к устью Непрядвы. Когда поднялся осенний туман, вдали стало черно от татар. Они полумесяцем спускались с холмов на широкое Куликово поле. Русские тоже сошли с холмов, навстречу им.

Первым вызвался инок Пересвет на единоборство с татарским богатырем Челубеем. Они разъехались на три прыска лошадиных и так жестоко ударились, что оба войска громко вскрикнули. Поединщики пали мертвыми. Тогда начали сечу конные сторожевые полки. Кровь полилась, как вода, на пространстве десяти верст. Коням негде было ступать от трупов. Пешее крестьянское ополчение под тучами стрел и от татарских наездов ложилось, как подкошенная рожь, но умирали не пятась, стояли нерушимо. Мамай, глядевший с холма на побоище, какого не помнили люди ни прежде, ни после, ждал уже скорой победы. Тогда из леса ударил на врага свежий засадный полк. Татары повернули коней и бежали. Бежал и Мамай, бросив русским шатер свой и жен и награбленные сокровища.

Русская земля была раздроблена на многие вотчины и княжества. Она освободилась от татарского ига, но ей начал грозить Запад. Когда Иван Грозный замыслил образовать из самостоятельных или подчиненных Москве княжеств единое русское государство, народ понял это и поддержал его в жестокой борьбе с князьями и боярами, в неслыханной по дерзости военной реформе—опричнине и в кровопролитных войнах за древние русские вотчины. Многолетняя, победная в начале, борьба Ивана Грозного окончилась военной неудачей, но русское государство было создано и широко раскинулось до Каспия и до Байкала. Земля стала единой и отечество единым.

В последовавшее вскорости Смутное время, когда дороги забелели от человеческих костей, сотни верст можно было пройти, не встретив ничего, кроме пепелища, и, казалось, навсегда опустошилось и кончилось Московское государство, народ сложил песню о той черной године:

Ох вы гой еси, товарищи, люди новгородские,
Покидайте ваших жен, детей, продавайте злато, серебро,
Накупите себе вострых копиев,
Вострых копиев, булатных ножей;
Выбирайте себе воеводою удалого добра молодца..
Пойдем-ка мы биться да на смертный бой
За матушку, за родную землю,
За родную землю, за славный город—Москву.

Народ вызволил из беды русское государство. Но жизнь становилась от столетия к столетию все тяжелее и томительнее. Все грузнее ложилось на богатырские народные плечи ярмо боярской кабалы. Взрывами гнева и страш-

ными бунтами отвечал народ на непосильную тяготу и несправие. У него не иссякала никогда справедливая вера в то, что хозяин русского государства—он, народ, оборонивший и поставивший его. Народ берег свое отечество, его нерушимость, честь и славу.

В этом причина того—на поверхностный взгляд—противоречия, что русский солдат из крепостных мужиков, идя под царскими знаменами воевать, мужеством своим и презрением к смерти поражал воображение иностранцев. Нет, не покорность крепостного мужика заставляла уса-тых, суровых, саженного роста солдат фельдмаршала Салтыкова, стоя в несокрушимом каре, принимать на штыки атаки драгун короля Фридриха. Для них отечество и своя жизнь были одно, неразрушимое. В двух битвах—на реке Одере и под Кунерсдорфом—непобедимый доселе король Фридрих, основоположник прусской военно-политической агрессорской системы, был разбит русскими наголову. Никакие его хитрости не помогли: ни сосредоточение артиллерийского огня, ни прорывы сквозь фронт, ни фланговые удары,—русские полки, «как бы не зная, что такое страх смерти», подавили и пушки, и кавалерию и трехгранными штыками выкидывали прусских солдат, как снопы, из-за флешей и ретраншементов. Король Фридрих, в слезах отчаяния, едва-едва ушел на резвом коне от плена. И так уведомил свое правительство: «Наши потери весьма значительны. От армии в сорок восемь тысяч человек у меня не осталось и трех тысяч. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье, я его, конечно, не переживу».

Еще не затихли раскаты Пугачевского бунта, народ был связан по рукам и ногам царско-дворянской властью, и Наполеон, вторгаясь в Россию с шестисоттысячной армией, рассчитывал найти в крестьянах и посадских людях верных союзников. Наполеон разбрасывал прельстительные прокламации, обещая крестьянам свободу. Но народ решил иначе—отечество иноземному врагу не отдавать, а свободу взять самому. И в день Бородинской битвы прославленная конница маршала Мюрата напрасно устилала своими телами в железных кирасах русские флешы и редуты, напрасно ливень чугунных ядер обрушивался на русские полки. Армия Кутузова билась, покуда ночь не прикрыла дымящееся Бородинское поле. Умный и хитрый старик Кутузов не писал и не рассылал приказов и в ответ на донесения о ходе боя лишь покачивал седой головой. Он спокойно ждал конца великого сражения: он знал, что

сейчас дерется сам русский народ. Он вывел уцелевшую половину несломленной и не отступившей ни на шаг армии на рязанскую дорогу, чтобы враг, уже пораженный в сердце, но еще сильный, нашел себе гибель в неведомой для него русской партизанской войне.

Русский солдат ходил за Суворовым через Альпы, за Румянцевым в Париж, со Скобелевым на неприступные высоты Плевны. Тяжела была солдатская доля, и часто он не знал, зачем сидит на чужой земле у походного костра, под чужими звездами. На завтра бой, и он уже надел чистую рубаху, завтра, быть может, смерть, но принять ее надо русскому солдату, с чистой душой, мужественно, как подобает присяге отечеству.

Десять тысяч бойцов Красной Армии легли смертью при штурме валов и проволочных заграждений Перекопа. Этой братской могилой героев заканчивается столько веков жданная победная борьба русского, украинского и всех шестидесяти народов Советского Союза за светлую и человечную, новую и справедливую жизнь, за свое отечество отныне и навеки.

И вот—снова в бой с исконным и смертельным врагом всего славянства, с врагом всех народов, строящих мирно, как золотые пчелы, жизнь свою, с врагом человечества.

Вот отчего Герой Советского Союза капитан Гастелло пикировал свой пылающий самолет на вражеские цистерны с горючим. Стыдно ему было бы перед своей чистой совестью зашагать, погоняемому концами фашистских штыков, в германский плен. Сердце закипело восторгом ненависти. Что жизнь, когда перед тобой подвиг славы!

Наши летчики, танкисты, балтийские и черноморские моряки, красноармейцы, разведчики, артиллеристы, партизаны состязаются в славе. Снова поднялся на великое ратное дело весь народ, как в былые времена, но уже не в тигелях, с топорами и рогатинами, а закованный в стальную броню, ошетиленный грозными русскими штыками, крылатый и грозный, ведомый в бой отцом, чьи замыслы—победа, чья воля—победа. Советский человек вышел на поединок с фашизмом.

Горят очи его соколиные...

Боевые рукавицы натягивает,

Могутные плечи распрямливает

Не шутку шутить, не людей смешить

К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,

Вышел я на страшный бой, на последний бой...

«Красная звезда» от 3 августа 1941 г.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ХОРИЗОН МЭГЭЗИН»

Сирия Коноли
Стефен Спендер.

Благодарю за дружеское приветствие советским писателям. Мы счастливы установить с английской и американской интеллигенцией глубокое взаимное понимание и взаимные цели становления в мире принципов справедливости, доброй воли и всех необходимых предпосылок для дальнейшего развития гуманитарной культуры.

Мы, советские писатели, так же, как наша Красная Армия и все единодушно и братски сплоченные народы Советского Союза, полны оптимизма. Борьба тяжела и упорна, враг, как раненое чудовище, напрягает все свои силы, но мощь сопротивления нашей армии растет с каждым днем, а силы армий Гитлера убывают с каждым днем.

Особенно тяжелой оказалась для немцев последняя неделя боев на главных направлениях фронта. Мы уничтожили пять дивизий, отдельную колонну в триста танков целиком, до последней машины, и еще несколько отдельных пехотных и танковых крупных соединений.

Наступательный порыв врага идет на спад. Среди пленных немцев стали попадаться молодые и пожилые люди, незнакомые с автоматическим оружием. Они плохо одеты и истощены. Действия наших партизан парализуют подвоз немцами боеприпасов и горючего, и все чаще немцы зарывают свои танки в землю, пользуясь ими как дотами. Немецкая пехота, обученная только для ведения молниеносной войны, принуждена переходить на методы маневренной войны, в которых она плохо разбирается, и быстро поддается панике. Все чаще нашим войскам приходится обнаруживать немцев, прикованных браслетом и цепочкой к пулемету, или танкистов, которых германские офицеры запирают наглухо в закопанных танках.

На большие размышления наводят такие факты, как, например, наступление немецкой пехотной части, впереди которой они гонят на нашу линию огня женщин и детей, захваченных при бегстве из села. Немецкая армия прикрывается женскими юбками и детскими телами,—до такого позора может дойти только армия, пораженная смертельным внутренним распадом.

Передайте от имени советской литературы дружеский, братский привет писателям Англии и Америки—всем, кто отдает свои силы для уничтожения на нашей прекрасной

земле кровавого и зверского фашизма. От всех нас зависит, чтобы скорее миновала эта черная ночь.

«Правда» от 5 августа 1941 г.

ВЕСЬ СЛАВЯНСКИЙ МИР ДОЛЖЕН ОБЪЕДИНИТЬСЯ ДЛЯ РАЗГРОМА ФАШИЗМА

*Речь на Всеславянском митинге в Москве
10 августа 1941 г.*

Славяне! Русские, украинцы, белоруссы, поляки, чехи, словаки, сербы, хорваты, македонцы, черногорцы, болгары, словенцы, закарпатские украинцы,—все, кто говорит на братских языках единого славянского корня, все, кто некогда составлял единую группу родственных племен и вел борьбу за свою независимость, за свою национальную культуру и за право мирного труда!

Славяне! Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного освобождения от гитлеровского гнета. Мы объединяемся, как равные среди равных. Среди нас не должно быть больших или меньших. У нас одна задача и одна цель—разгром гитлеровских армий и уничтожение всей военно-агрессорской системы национал-социализма. У нас одно горячее всеобъемлющее стремление,—чтобы славянские, равно как и все соседствующие с нами народы и государства и все прочие народы, мирно и покойно развивались в рамках своей государственности. Мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов. Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов. Наша задача—объединенными усилиями уничтожить немецкий фашистский гнет, каких бы жертв это нам ни стоило.

Славяне! Если вчера некоторым казалось, что гитлеровская Германия оставит в покое их мирное существование и книжка Гитлера «Моя борьба», своим отравленным жалом направленная к уязвлению в сердце всего славянства, лишь наглая и шумная болтовня, то сегодня они убедились в реальном и последовательном осуществлении этой программы германского фашизма.

«Славянская человеческая масса, как расовый отброс, недостойна владеть своими землями,—они должны отойти в руки германских господ, а славяне—собственники зе-

мель—превращены в безземельных пролетариев». Но славян больше трехсот миллионов и они плодovиты... «Я буду,—говорит Гитлер,—систематически в течение долгих лет разъединять славянских мужчин от женщин, чтобы юстановить рождаемость. Всеми средствами я пресеку плодovитость славян... Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы славян, размножающихся, как насекомых...»

Вот программа германского фашизма. Западные славянские страны увидели, что это не слова, а дело, кровавое дело. Для одних это—нищета, принудительный труд под ударами фашистского надсмотрщика, превращение славянина в двуногое животное, раба, или стерилизация, которую немцы начали усиленно проводить в Польше. Для других это—смерть от фашистского ножа и пуля, смерть от пыток в концентрационном лагере, от истощения и голода.

Пощады от фашистов ждать нельзя. Пощады нет... И те, кто думает как-нибудь, тихонько, пережить это время, стать смиренным и незаметным, жестоко ошибаются. Смиранных, как жучков, поджавших лапки, раздавит фашистский сапог.

Прочь смиренность и умиротворение! Ничто не поможет в эту грозную годину. Славянин! Твоя душа зажглась ненавистью к поработителям, рассевшимся, как хозяин-рабовладелец, в твоей стране, в твоём доме, на клочке твоей земли. Твоя душа горит священной ненавистью, творящей великие и героические дела.

Всюду, на каждом шагу, твоя ненависть придумает акт борьбы и в крупном и в мелочах. Миллионы славян—рабочих, крестьян, интеллигенции—с еще большим и все возрастающим единодушием должны тормозить, вредить, портить, уничтожать фашистскую военную машину. Весь мир уже знает о героизме чешских рабочих, которые находят хитрые способы обезвреживать немецкие орудия смерти. Весь мир знает о героизме польских, черногорских, сербских, македонских партизан. Эту борьбу ведут десятки и сотни тысяч людей,—нужно, чтобы она охватила миллионы.

Ни часу ожидания, раздумья, ни часу промедления! Каждый славянский народ—во имя освобождения, независимости и мирного счастья своих поколений—сам должен подняться на борьбу на общем и едином фронте. Свободу, не приносят на золотом блюде, свободу берут с оружием в руках.

Восточное славянство—160 миллионов русских, украинцев, белоруссов—вместе с другими народами Союзных

Советских республик, вместе с могущественной и свободолюбивой Великобританией седьмую неделю ломит хребет гитлеровским армиям. Германское командование сняло уже гарнизоны из оккупированных городов и вливает в армию подростков и пожилых людей. Гитлеру понятно, что общий переход немцев к обороне—это начало конца, и он с бешенством силится отдалить этот роковой час. То в одном, то в другом месте фашистское командование вбивает танковые клинья в наш фронт,—и снова и снова это кончается для фашистов горами исковерканного металла и ключьями немецких тел. Враг силен и опасен, но у него уже все признаки усталости и разложения. Неудавшаяся молниеносная война молниеносно пожирает его человеческие и материальные ресурсы.

За шесть недель свыше полутора миллионов немцев убито, ранено и сдалось в плен. Немецкая армия потеряла треть своих танков, пятую часть авиации с лучшими кадрами летчиков, восемь тысяч артиллерийских орудий. Но это лишь начало войны с Красной Армией и силами Великобритании. Истребление германской живой силы и военной техники развивается во все более устрашающих размерах.

Скоро настанет час, когда истекающий кровью фашистский зверь начнет пятиться в им самим уготованную бездну. Настанет час, когда не сто сербов или поляков или партизан в горах Крайны, Македонии и Черногории будут расстреливаться за каждого убитого германского солдата, а за каждого замученного серба, поляка, черногорца, словенца и македонца фашистам придется отдать тысячу своих голов.

Нет, не остыли угли на пепелищах Варшавы, Белграда, Чачака, Ягодина, Бани! Их раздувает священная ненависть для того, чтобы на них была навсегда сожжена и развеяна по ветру безумная, варварская, кровожадная мечта германского фашизма поработить и истребить славянский мир.

Славяне! Мы объединяемся для борьбы и победы. Мы объединяемся для того, чтобы каждая славянская, как и всякая другая, страна могла свободно, мирно, с полным освобождением сил своих созидать свою культуру. Немалый вклад вложило славянство в мировую сокровищницу культуры и цивилизации. Фашисты пытаются отрицать это. Мы благодарим немецкий народ за прекрасную музыку, за философию, за добрую старую поэзию и предупреждаем, что он должен будет очиститься от грязи гитлеровского фашизма, чтобы спасти свое существование.

Идеи справедливости и свободы близки славянским на-

родам. Мы свободолюбивы и миролюбивы. Но мы грозны и упорны в борьбе, когда на нас нападают. В ответ на декрет Муссолини о смертной казни за хранение оружия во всей Черногории было сдано только две винтовки. Так должен поступать славянин.

Свобода или смерть! Мы хотим мирного процветания себе и нашим соседям. Мы хотим высших даров человеческой свободы: развития культуры, искусств и наук, благоденствия, счастья. Культура, а не война. Во имя этих высоких общечеловеческих целей,—в бой, славяне! В победный бой с фашистскими варварами, пьяными от крови и грабежа! Смерть фашизму!

Да здравствует освобожденный славянский мир!

Да здравствует наша могучая союзница—Великобритания!

Да живут и здравствуют все страны и все народы мира, борющиеся с фашизмом!

«Правда» от 11 августа 1941 г.

ТАРАН

«Славяне никогда ничего не поймут в воздушной войне—это оружие мужественных людей, германская форма боя»,—так сказал Гитлер.

Но слова словами, а факты фактами.

Бомбардировку с пикирования и парашютный десант фашистская авиация заимствовала от советской авиации. За полтора года европейской войны и за семь недель воздушных боев на восточном фронте фашистская авиация не выдвинула никаких новых достижений. Несмотря на хвастливое заявление Гитлера, она ведет себя отнюдь не мужественно. Немецкие бомбардировщики и истребители, за крайне редким исключением, страшатся вступить в бой с нашими самолетами. Они обычно спешат спрятаться за облака или, атакованные,—притвориться подбитыми, пикировать и уйти впритирку к земле. Даже когда их вдвое больше, они не пытаются померяться отвагой и ловкостью.

Отчего это происходит? Происходит это от признания немцами превосходства боевых качеств советских летчиков. Тут уже ничего не поделаешь—ворон соколу не товарищ.

Советские летчики—в большинстве рабочая и колхозная молодежь, с могучим здоровьем, со стальными нервами и врожденной удалью. Им небо—просторное поле для поединка, самолет—крылатый конь, а фашист, вынырнувший из тучи,—жданный противник, с кем надо сразиться насмерть.

Советский летчик никогда не уклонится от боя, и чем ближе к нему опасность, тем злее его сердце, тем расчетливее его движения, тем стремительнее его рефлексy. Вот он один в небе, над ним плывет фашистская эскадрилья бомбардировщиков. Неплохая пожива. На худой конец он свою жизнь обменяет на пятерых фашистских летчиков. Его истребитель поет, как струна, заносясь выше в небо, и падает, как кречет, на стаю, чтоб разбить строй бомбардировщиков и напасть, на выбор, на одного, на другого, уклоняясь, кувыркаясь, пронизывая противника очередями из тяжелых пулеметов: это свирепый, но, как у всех русских, напряженно расчетливый восторг боя.

Бомбардировщик—прочная бронированная машина, он может загасить вспыхнувший у себя пожар и лететь дальше, он может уйти, если даже у него подбит один мотор. Стремясь во что бы то ни стало не дать уйти врагу, советские летчики создают новую форму атаки. Фашисты не осмеливаются ее применять. Это также одна из причин их уклонения от встречи в воздухе с нашими истребителями.

Я говорю о таранении в воздухе врага при условии не только сохранения своей жизни, но в некоторых случаях и своей машины.

На-днях я был в авиачасти, на боевом аэродроме, чтобы поговорить с летчиком-истребителем Виктором Александровичем Киселевым. Дня за два до этого он таранил и сжег немецкий бомбардировщик, причем сам отделался легкой царапиной на щеке. Правда, машина его погибла.

Идем по огромному полю, кое-где можно различить замаскированные истребители. Дежурные машины наготове, в них сидят летчики, повесив впереди себя меховой шлем с наушниками. Около звеньевого—в траве, на коленях—телефонист, не отрывающийся от трубки. Трава по-осеннему желтая, мирно поддувает ветерок и мирно плывут тучи. Здесь же на поле производят ремонт машин: к одному самолету подъехал грузовик с маленьким подъемным крапом, на котором висит новый мотор, у другой машины сменяют крылья. Приземляются и уходят огромные транспортные самолеты. Кое-где под ветвями низенькие палатки-шалаша, в них на сене одеяла, подушки и книги: здесь живут летчики. Обедают они на поле, за длинными столами. Автобус-кухня развозит сытные завтраки, обеды и ужины.

По полю к нам идет не спеша Виктор Киселев, вписавший свое имя в список героев воздуха. Он смуглый от солнца и ветра, как все здесь на аэродроме. Подойдя, рапортует комиссару, что явился. Затем стоит, застенчиво

поглядывая на нас серыми веселыми глазами. Среди приехавших—женщины, и он несколько стесняется, что у него на щеке царапина. Показывает, вынув из кармана, трофеи: железный крест, снятый со сгоревшего фашиста, финскую медаль и разрывную пулю германского тяжелого пулемета.

— Товарищ Киселев, расскажите, как вы его таранили.

— Вышло это не совсем удачно,—говорит он, наморщив лоб.—Я уверен, таранить можно так, что свой самолет непременно останется цел. Погорячился, и получилось не как хотел. Практики не было.

Он скромно улыбается, комиссар смеется.

— Патроны у меня кончились, противник пробил мне масляный бак и радиатор, мотор у меня вот-вот должен заклинить. Ну, конечно, азарт, не хочется его упустить. Подхожу к нему снизу, чтоб царапнуть его винтом по хвостовому оперению,—рассчитать можно правильно, чуть-чуть только задеть кончиками винта. Струя масла залила у меня козырек, плохо вижу. Подкрался, в это время струя воздуха от самолета бросает мой истребитель кверху. Тут я погорячился. Таранил его сверху, врезался ему в левый бок.

— Удар был сильный? Что вы почувствовали?

— Ничего я не почувствовал. Надо было предусмотреть, а я, видишь, ударился щекой об ручку, просто говоря, по-глупому. Сразу же вражеский самолет исчез. Был в лучах прожекторов—и нет его. Мой истребитель вошел в штопор. Один виток, другой виток, третий виток. Хочу вывести его из штопора, вижу—нет, надо прыгать. Сразу ноги подобрал с педалей, приподнялся, высунулся, струей меня и перегнуло. Не могу выбраться из кабины, как прилепило.

— А ваш истребитель штопором летит вниз?

— Ага. Всего-то бой был на тысяче двести метров. Я уперся одной ногой и вывалился. Считаю до восьми, шарю парашютное кольцо, а кольца нет. Оказалось оно у меня подмышкой. Дернул, парашют раскрылся. Опускаюсь, вижу на земле горит только один самолет, а другого нет. Неужели, думаю, это мой, а противник ушел? Неприятную пережил минуту. Оказалось, горел немец. А мой истребитель,—мы его потом два дня искали,—упал неподалеку в лесу, ушел в землю, как снаряд, на поверхности торчало одно хвостовое оперение.

Вот другой рассказ, лейтенанта Катрича.

— В десятом часу утра я получил сообщение, что один самолет противника идет курсом на Москву. Взлетаю и

замечаю в воздухе белую полосу, образуемую конденсацией паров. Беру направление на эту дымчатую дорожку. С высоты шести тысяч метров вижу чуть заметную точку. Противник был выше меня и далеко впереди. Надеваю маску кислородного прибора. Самолет на этой высоте ведет себя лучше, чем у земли,—это меня радует. Точка впереди растет и принимает форму самолета. Различаю опознавательные знаки, вижу стрелков в стеклянной кабине. Высота—восемь тысяч метров, дистанция—сто метров. «Теперь не уйдешь!» Прошиваю пулями от хвоста к мотору весь самолет противника. Только после этого фашисты меня заметили. Стрелок из кабины отвечает огнем. Я вновь повторяю атаку, делаю длинную очередь и вижу вспышки пламени на левом моторе противника. После третьей атаки у меня кончились боеприпасы. Стрелок хвостового оперения молчал. Я убил его. Левый мотор дымил, но бомбардировщик продолжал лететь. Он рассчитывал, что у меня скоро кончится горючее. Принимаю решение таранить.

О том, как надо таранить самолет и в каких случаях это делать, я много думал. Первое сообщение о подобных героических поступках наших летчиков меня сильно взволновало. Но они, тараня противника, теряли свой самолет. Я пришел к выводу, что можно таранить, сохранив самолет. Настало время проверить мое решение. Быстро сближаюсь с бомбардировщиком. Захожу ему с левой стороны, прицеливаюсь носом на хвостовое оперение с таким расчетом, чтобы только кончиками винта зацепить стабилизатор и киль. Расчет оправдался. Раздался легкий стук, я мгновенно убрал газ и тут же отвернул истребитель в сторону. Когда я вышел из разворота, самолет противника, перейдя в крутое планирование, быстро несся к земле. Я планирую вслед за ним. Бомбардировщик делает несколько попыток выравняться, он форсирует мотор, добивается на несколько секунд горизонтального полета, но вновь теряет управление, выходит в крутое пикирование, врезается в землю и вспыхивает. К нему уже бегут крестьяне, работавшие в поле. Тогда я решаю итти на свой аэродром. Мотор работает безотказно, но погнувшийся винт дает большую вибрацию, самолет трясет. Посадка прошла благополучно.

Старший лейтенант Еремеев, участник многих воздушных боев, ночью атаковал фашистский бомбардировщик и расстрелял по нему весь боекомплект. К атакованному им фашисту подходил второй неприятельский самолет. Тогда Еремеев решил итти на таран. Он также, подойдя

снизу, пропеллером отрубил стабилизатор и руль поворота, и фашистский бомбардировщик рухнул на землю.

К этому списку таранщиков нужно прибавить Героев Советского Союза Талалихина, Здоровцева, Харитонова и других летчиков-героев.

В истории авиации таран совсем новый и никем и никогда ни в одной стране никакими летчиками, кроме русских, неиспробованный прием боя. Впервые на таран пошел знаменитый летчик Петр Нестеров. Это произошло 26 августа 1914 года. В этот день был протаранен первый немецкий самолет.

Ныне советские летчики значительно пополнили список «подсеченных» немецких машин, открытый их славным предшественником Петром Нестеровым. Советских летчиков толкает на это сама природа, психология русского крылатого воина, упорство, ненависть к врагу, смелость, соколиная удаль и пламенный патриотизм.

Нет, господа гитлеровские вороны, «богатыри не вы!» Воздух принадлежит лишь смелым, сильным, талантливым, инициативным советским крылатым людям. Авиация— это русская форма боя. Небо над нашей родиной было и будет наше.

«Красная звезда» от 16 августа 1941 г.

ФАШИСТЫ ОТВЕЯТ ЗА СВОИ ЗЛОДЕЯНИЯ

Кто вы, охранники Гитлера, офицеры и солдаты со значками свастики? Зверьями вас назвать нельзя,—дикие звери жестоки, но не убивают для наслаждения убийством и не проливают крови себе подобных. Нельзя вас назвать и сумасшедшими, вы совершаете зверства обдуманно и планомерно по инструкциям бюро пропаганды германской армии: «У немецких солдат следует воспитать чувство беспощадности, никакие проявления жалости по отношению кого бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимы. Нужно воспитывать у каждого офицера и солдата чувство материальной заинтересованности в войне...»

Эта инструкция касается отношения к мирному населению областей, оккупированных немцами. Результаты такой пропаганды налицо, она упала на благодарную почву. Фашисты любят сильные ощущения. Книга, театр, кино дают только суррогат переживаний. То ли дело подойти к белорусской колхознице, вырвать у нее из рук младенца, швырнуть его на землю и слушать, медленно кривя рот усмешкой, как баба кричит и кидается к нему, беспомощная и безопасная, словно птица, у которой убили

птенца, и под конец, когда до нервов дошли эти вопли наглой бабы, ткнуть ее штыком под левый сосок... Или приволочь с хутора на лесную опушку, где расположились танки для заправки, полтора десятка девушек и женщин, приказать им,—немецкой, с хрипотцой, командой,—раздеться догола, окружить их, засунув руки в карманы, перемигиваясь и отпуская жирные словечки, разобрать их по старшинству и чину, потащить в лес и наслаждаться их отчаянными криками и плачем и потом вперевалку вернуться к своим танкам, закурить и уехать, чтобы впоследствии написать друзьям в Германию открытки о забавном приключении: «Должен тебе признаться, Фриц, эти проклятые девки под конец нам надоели своими воплями и царапаньем...» Колхозники потом нашли их в лесу—у одних были вырезаны груди, разбиты головы, перерезаны горла...

Вот совсем свежие факты. В деревню Маковой примчался немецкий мотоциклист, приказал согнать всех лошадей. Один из стариков потихоньку сел верхом на лучшую колхозную лошадь и поскакал к лесу. Мотоциклист вдогонку ему пустил очередь из автомата, но старик скрылся. Тогда, обозлясь, фашист пустил последнюю пулю в маленькую девочку, стоявшую около него с разинутым ртом, с глазами, широкими от недоумения,—конечно, ей и в голову не приходило, что она виновата—зачем дед ускакал в лес...

Красноармеец Максименко пробыл в плену пять дней и бежал, измученный голодом и окровавленный от пыток. На его глазах за эти пять дней фашисты допрашивали захваченных ранеными в плен командиров и политработников. Допрос заключался в том, что советские люди, стиснув зубы, молчали, а фашисты били их по животу и голове резиновыми палками; положив большой палец на лезвие фашистского кинжала—непременной принадлежности стопроцентного арийца—так, чтобы конец ножа торчал, не угрожая пытаемому мгновенной смертью, кололи их и пороли и, так как наши люди все же не пожелали отвечать на вопросы, им каждому вырезали на лбу пятиконечную звезду. Они в мучениях не выдали военной тайны. Их поволокли на улицу, повалили и приказали танкисту раздавить гусеницами.

В городке Ч. фашистские офицеры устроили публичную казнь тридцати партийных, советских и профсоюзных работников. Население согнали на окраину города. Приговоренных заставили рыть могилу, и они, чтобы поскорее кончить с мучениями, вырыли могилу. Фашистские солдаты столкнули туда первых десять человек живыми, остальным

приказали закапывать их. Наши бросили лопаты на землю: «Расстреливайте нас, сволочи!» Часть расстреляли тут же, других все же закопали живыми.

У немцев Гитлера особый вкус—закапывать живых людей. Так было в Минске, где согнали евреев—старого и малого, женщин и мужчин,—заставили вырыть ров и приказали приведенным сюда же белоруссам столкнуть евреев в могилу и закопать... Ни один из белоруссов не пожелал выполнить приказания. Офицер, распорядившийся этим зрелищем, взбесившись от того, что оно не удалось,—а немцы быстро переходят от состояния тупости к крайне нервному возбуждению,—приказал расстрелять всех—и евреев и белоруссов...

Недавно фашисты разрешили себе подобное зрелище и по отношению к своим же, немцам. В одном бою одна наша часть наколотила такое количество немцев, что фашистам пришлось вызвать саперов—вырыть динамитными взрывами большой котлован для могилы. Сотни грузовиков повезли с поля убитых и тяжело раненных. Гитлеру не нужны калеки. Подвезенный груз стали сваливать,—мертвых и живых,—в котлован. Один из раненых отчаянно закричал и смысл этого крика был: «Что вы со мной делаете, я жив, я хочу жить»... Офицер выстрелил ему в голову. Несколько немецких солдат тут же у края этого рва выстрелами из винтовок покончили с собой. Видимо нервы и у них не выдержали этого «чисто немецкого»,—как любит повторять Гитлер,—зрелища.

Мы верим, что в Германии есть люди, которые в отчаянии от позора и стыда закрывают руками лицо, слушая о деяниях своих соотечественников. Деяния офицеров и охранников Гитлера, немецких солдат превосходят все нам известное из истории ужасов, зверств и кровавых массовых дел. Это не какие-нибудь единичные случаи садизма представителей германской расы, это поведение гитлеровской армии, воспитанной «для завоевания мира» и установления иерархии класса господ.

Чем мы ответим на фашистские зверства? Ненавистью, удесятеряющей наши силы и наше мужество в бою, грядущей победой над гитлеровскими армиями, разгромом их и уничтожением всей системы озверения человека, всей системы вместе с выродками рода человеческого, начиная с потрясучего и припадочного Гитлера.

Мы уважаем Человека, мы бережем его, мы боремся за счастье Человека.

«Красная звезда» от 20 августа 1941 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Что мы защищаем	3
Армия героев	7
К писателям Северной Америки	10
«Блицкриг» или «блицкрах»	13
Кто такой Гитлер и чего он добивается	15
Гордо реет советский флаг	19
Смельчаки	21
Я призываю к ненависти	26
Несколько поправок к реляциям Геббельса	27
Почему Гитлер должен потерпеть поражение	31
Русские воины	35
В редакцию журнала «Хоризон Мэгэзин»	41
Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма <i>Речь на Всеславянском митинге в Москве 10 августа 1941 г.</i>	42
Таран	45
Фашисты ответят за свои злодеяния	49

Редактор *Е. Кингисепп*

Подписано к печати 7 сентября 1941 г. А43593. Объем 3 $\frac{1}{4}$ п. л.
38 тыс. зн. в 1 п. л. Заказ № 620. Цена 35 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста
«Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

деревню, где помещался у них партизанский лазарет. К нам сбежалась вся деревня, женщины повели нас по избам. Обижать добрых людей не хотелось, пришлось подчиниться: дорожный человек костоват и черен, по старому обычаю его надо помыть, накормить и обласкать. Женщины сами нас разули, у кого ноги были стертые—вымыли их, дали чистые портяночки и давай угощать всем, что у кого было в печи.

Петров,—гляжу,—опять размяк, в глазах мгла и влага... Крестьяне сильно нас уговаривали, чтобы остаться с ними партизанить... И нам этого хотелось... Но—долг службы...

Лейтенант Жабин легким движением приподнялся... «Воздух!»—скомандовал он. В траве, между ореховыми кустами сейчас же началось движение. В небе, на большой высоте обозначились пять фашистских бомбардировщиков. Не прошло и трех минут, после того, как пункт связи сообщил о них на аэродром,—появилось звено наших истребителей. Как натянутые струны—грозно и сильно—пели они, круто поднимаясь к строю бомбардировщиков... И фашистские тяжелые машины, блеснув крыльями, начали поворачивать. Но было поздно... С выцветшего неба донеслась слабая трескотня пулеметных очередей. Истребители настигали. Один из бомбардировщиков качнулся, клюнул носом и пошел вниз, за ним потянулась полоса дыма...

«Красная звезда» от 24 июля 1941 г.

Я ПРИЗЫВАЮ К НЕНАВИСТИ

Товарищи, вы увидели, вы почувствовали, что такое Гитлер, что такое фашизм. Это—бойня ради бойни, это—опьянение человеческой смертью, наслаждение разрушением... Древние германцы, убивая врага, вырывали у него сердце и съедали сырым. У них был обычай, схватив врага, разрезывать ему сзади ребра и выламывать их наперед в виде крыльев, это на немецком языке называлось «сделать орла»...

Вот такими штучками—непреренно со вкусом человеческой крови—вдохновлены стервятники, налетевшие на Москву. Они трусы при этом.

Вчера ночью и третьего дня под Москвой я видел, как фашистские бомбардировщики метались среди ослепительных вспышек зенитных снарядов, они попадали в

вихри карающей смерти. На моих глазах три бомбардировщика были прошиты огненными строчками трассирующих пуль с наших истребителей. Самолеты стервятников ныряли к земле и, упав, вспыхивали белым заревом.

Наш фронт крепнет с каждым днем. Армии Гитлера, захлебываясь от собственной крови, начинают выдыхаться... Настанет день, который будет отмечен в мировой истории золотой чертой. И Гитлер и фашизм взорвутся под нашими ударами, и зарево от этого пожара озарит освобожденный мир.

Но успокаиваться нельзя! Враг коварен и силы у него еще много. Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли—победить и уничтожить Гитлера и его армии, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего.

Для этой великой цели нужна ненависть. В ответ на вторжение Гитлера в нашу страну—ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы—ненависть. Сильная, прочная, смелая ненависть... Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла.

Да здравствуют победные багряные знамена нашей славной Красной Армии, да здравствуют братские народы Советского Союза, да здравствует весь русский народ, да здравствует Москва, да здравствует наш главнокомандующий Сталин!

«Правда» от 28 июля 1941 г.

НЕСКОЛЬКО ПОПРАВОК К РЕЛЯЦИЯМ ГЕББЕЛЬСА

Шесть ночей сотни бомбардировщиков Гитлера пытались налетать на Москву. Они мчались волнами со всех сторон, намереваясь обрушить огромный груз бомб на Кремль, для того, чтобы Геббельс шумно захопал в ладоши: «Слушайте, слушайте, Кремль стерт с лица земли, население в панике бежит из разрушенного, пылающего города».

Теоретически несколько сот бомбардировщиков, приблизившись ночью на большой высоте, должны сделать свое черное дело, тем более, что их вели пилоты с железными крестами и особенными бронзовыми и серебря-